

Юрий Бычков

Бог – что
захочет,
человек –
что сможет

Москва
«ПРОБЕЛ-2000»
2011

Предназначение

Юрий Бычков

**Бог – что захочет,
человек – что сможет**

«Пробел-2000»

2011

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Бычков Ю. А.

Бог – что захочет, человек – что сможет / Ю. А. Бычков —
«Пробел-2000», 2011 — (Предназначение)

ISBN 978-5-98604-260-2

Заключительная часть трилогии “Предназначение” – “Бог – что захочет, человек – что сможет”, охватывает большой временной период: от шестидесятых годов прошлого, XX века, до настоящего времени. Автору мемуарного по характеру изложения материала довелось за этот полувековой срок встречаться, сотрудничать, дружить со многими выдающимися современниками. Это С.Т. Коненков, Ю.К. Авдеев, М.И. Царев, И.К. Архипова, П.Д. Барановский, С.Ф. Бондарчук, И.М. Смоктуновский, Ю.М. Соломин, О.Н. Ефремов, Е.П. Велихов, М.А. Ульянов, В.М. Пахомов, Н.Н. Пономарев-Степной, Т.Т. Салахов, А.А. Дейнека, А.А. Пластов, Д.Н. Чечулин, В.М. Соломин, Ю.К. Авдеев, Ю.В. Никулин, К.Н. Бритов, Е.И. Зверьков и еще десятки интересных, заслуживающих общественного признания, ярких человеческих личностей, чье жизненное предназначение проявилось в полной мере, всякий раз как итог целеустремленности, поступательного развития. В книге “Бог – что захочет, человек – что сможет” заслуживают особого внимания философские размышления, историко-публицистические экскурсы автора в сущностные глубины таких поистине близких божественному промыслу личностей, чье предназначение формировать, окормлять духовно великую нацию. Речь идет о святом благоверном князе Александре Невском – отце нации – и о том, про кого справедливо сказано Владимиром Одоевским: “Пушкин – наше все!”

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-98604-260-2

© Бычков Ю. А., 2011

© Пробел-2000, 2011

Содержание

Криушкинская окрошка	7
Александру Невскому – благодарная Россия	53
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Юрий Бычков

Бог – что захочет, человек – что сможет

© Бычков Ю. А., 2011

* * *

Это нельзя так оставить. Теперь и первые лица государства, научившись у телеведущих и всех прочих, кого допускают до телеэкрана, стали не колеблясь, следом за ними говорить «через пару дней», «пару месяцев», «пару лет», «всего пару минут...» Продвинутые в знании русского языка телеобозреватели, тележурналисты, берут выше, выражаются вообще круто – «пару веков» и все тут! А что! Разве век двадцатый чем-то отличается от девятнадцатого?

Чтобы не страдать, не скрипеть зубами, то и дело слыша «пару веков», я сделаю что могу, что повелело мне уважение к родному языку – возьму и процитирую «Словарь русского языка», изданный Институтом русского языка АН СССР:

ПАРА 1. Два однородных или одинаковых предмета, употребляемые вместе и составляющие одно целое. Пара чулок. Пара ботинок и т. д.

2. Две лошади – пара.

3. Два существа, находящихся, действующих вместе. Супружеская пара.

4. Тот, кто подходит другому по каким-либо качествам. Быть тебе под пару.

Пары веков быть не может. Между веками – ой, какая разница! Ни однородности, ни одинаковости.

Кришкинская окрошка

Утром собирал, добывал и выкладывал на стол ингредиенты будущей окрошки, которую, изнывая от жары, ждут – не дождутся домашние и гости из Москвы. А мне очень хочется, честное слово, хочется соорудить такое кулинарное чудо, чтобы ели, наслаждались, похваливали, остановиться не могли – так вкусно, и спрашивали бы: «Отчего она такая аппетитная, приманчивая?» Секреты скрывать не намерен. С радостью поделюсь, каким образом грамотно, по науке, обратить тот или иной продукт, приправу в крошево, что после заливки по вкусу квасом, московским или ярославским, станет кришкинской окрошкой.

Признаюсь, в моей кулинарной лоции опора на местные природные продукты, на то, что с собственного огорода да переславльского рынка. Пока гости и молодые хозяева спят-почивают, встав по-стариковски рано, вместе с солнцем, иду на огород, оборонив себя от густой утренней росы удобными, свободными для ног, резиновыми сапогами большого размера. Оно, конечно, выходит не как в песне «босиком по росе», однако, если ступить с крыльца босыми ногами, пока дошагаешь до огородных грядок, ноги застынут.

За время хозяйствования нас, москвичей, привыкших ходить не по земле, а по мошённому камню или залитым асфальтом мостовым и тротуарам, от крыльца до огорода проложена дорожка из щебня и гравия, так что босыми ногами по ней ступать под стать только какому-нибудь Рахметову, памятного старшеклассникам сороковых-пятидесятых годов прошлого столетия персонажу романа Николая Гавриловича Чернышевского «Что делать?». Теперь вот и до озера не пройти босиком. Остался для такого удовольствия и пользы стометровый лоскут пойменной земли с пешеходной торной тропой, протоптанной купальщиками да рыболовами от бойкой автомобильной дороги до плескучей при тихой погоде и клекочущей при сильном ветре кромки вольного водного простора Плещеева озера, дно которого – сплошь мельчайший, светлый, ласковый песок.

Борьба между естественной природной средой и повсеместным на неё наступлением идёт отчаянная. В июльские жаркие дни вдоль автодороги, от Никитского монастыря бегущей вниз, к воде, а далее ровной бетонно-асфальтовой лентой вдоль северо-восточного берега озера до речушки Кухмарки, впритык, одна к другой, заполняют обочины слева и справа, сползают, где только возможно, на луговину, в овражки, на бугры и горушки тысячи железно-пластиковых «коней». На водопой впрямую, на четырёх колёсах, этой могучей «коннице» путь вот уже десять лет как перекрыт вкопанными в землю и забетонированными рельсами вдоль всей береговой полосы. Превентивная мера оказалась весьма эффективной – машины в чистейших водах озера не купаются, и оттого воды Плещеева бензином не пахнут. Не пахнут ещё и потому что давным-давно нет права у граждан, охочих для собственного удобства и удовольствия оглашать просторы озера рёвом и треском моторных лодок. Известно, после этих громких прогулок расходятся радужные пятна по воде. «Дайте лодочку-моторочку моторочку-мотор, перееду на ту сторону, где милый-ухажор». Теперь, если приспичило, преодолевай водный простор на вёслах, а того быстрее получится домчаться до милой или до милого на «тойоте» или «опеле» по асфальту, дав круголя в двадцать вёрст каких-нибудь.

Палка, известное дело, о двух концах: либо ты меня, либо я тебя.

Естественному течению жизни вокруг Плещеева озера пришёл конец. Теперь это дачно-курортная территория. Много сотен лет здесь процветало земледелие и скотоводство. Ныне поля, косогоры, лесные опушки отданы под дачное строительство. Чего там отдано! Продано и продолжает продаваться муниципальными властями, о чём извещают многочисленные рекламные щиты в Переславле-Залесском, растяжки над главной городской магистралью. Переиначивая слова песни Алексея Фатьянова, с недоумением и огорчением, замечу:

Теперь косою острою
Трава в лугах не косится.

Травостой по грудь в приозёрной пойме отдан на потоп и разграбление стихийным толпам отдыхающих. Неплохая, честное слово, трава, мягкая, ароматная, ныне – подстилка для обитателей многолюдного палаточного селища как раз под криушкинской горой, вдоль роскошного озёрного плёса. Ну уж тут, как в трогательной лирической песне:

Травы, травы, травы не успели
От росы серебряной согнуться.

Будто Мамай прошёл и обложил земли переславльские данью непосильной. Приозёрные луга и камышовые нерестилища стоптаны, земли в окрестностях озера распроданы. Крестьяне, те, что тысячу лет кряду обрабатывали приозёрные земли, изведены под корень. Вымерли. Ни звона косы, ни мычания коровы, ни петушиного крика перед рассветом, хоть целый день скачи, не услышишь. Один только скрежет тормозов и вой автомобильных моторов. Есть над чем задуматься! Такая вот окрошка получается из естественного желания и необходимости народных масс, так раньше нас называли, сесть в «мерседес», «форд», «ниссан», «жигули» и отправиться отдыхать на Плещеево – прекраснейшее в мире озеро. Сам же призывал к этому Юрий Александрович Бычков, первооткрыватель туристского «Золотого кольца».

Как давно это было – аж в одна тысяча девятьсот шестьдесят седьмом году. Увы, как всегда, структуру цивилизованного отдыха не смогли выстроить ни на Плещеевом озере, ни на «Золотом кольце» в целом.

Прости, читатель, что нарушил ход повествования. Вдел автор поутру ноги в просторные резиновые сапоги, чтобы идти на огород за овощами для окрошки, да заговорился на злободневные темы. Я ведь тоже на Плещеево отдыхать приехал... сорок лет тому назад. Красотища кругом. Стою и млею в лучах пока ещё не жгучего солнца, люблюсь тем, как парит облагодетельствованная ночным дождём земля, а сам нахожусь мысленно за триста километров отсюда.

...Начав рассказывать про то, как приступил было к сотворению окрошки в дачном ныне Криушкине, невольно я, старый чеховед (у меня в активе пять пьес, полтора десятка книг и, коли посчитать, едва не полвека служения творчеству, личности А. П. Чехова) кстати вспомнил, что в завязывающей жестокий конфликт третьей главе повести «Дуэль» Антон Павлович дважды говорит об окрошке. Неспроста говорит, не просто так, не только ради обрисовки места действия и отвлечения распетушившихся собеседников от чреватой дуэлью перепалки. Нет и нет! У Чехова за словами: «Самойленко без сюртука и без жилетки, с голой грудью, волнуясь и обливаясь потом, суетился около стола, приготавливая салат, или какой-нибудь соус, или мясо, огурцы и лук для окрошки, и при этом злобно тарасил глаза на помогавшего ему денщика и замахивался на него то ножом, то ложкой», в моём сознании, воображении возникает пишущий летом 1891 года в отдалении от шумных столиц, в уединении, простецки устроившись на широком подоконнике арендуемого им у помещика Былим-Колосовского на летний период усадебного дворянского дома, пишет зафрахтованную для «Нового времени» Алексеем Сергеевичем Сувориным «Дуэль», как и я вот в июле 2010-го на Плещеево озере пишу по душевной потребности никем не заказанную «Криушкинскую окрошку».

– Да, брат, жизнь – это такая окрошка, что не приведи Господь!

Это опять Чехов: он со мной всегда... Случается, переговариваемся. За советом я к нему сплошь и рядом обращаюсь...

Незадолго до начала работы над «Окрошкой» из Криушкина по разным надобностям отправился в чеховское Мелихово, и, надо же, там я попал на спектакль «Дуэль», поставленный моим партнёром по такого рода затеям Владимиром Байчером. Вон когда, 5 июля 1997 года,

на мемориальном мелиховском пруду четыре режиссёра – Гитис Падегимас из Каунаса, Элмо Нюганен из Таллинна, Уильям Гэскилл из Лондона и Адольф Шапиро из Москвы – с интернациональным, всякий раз новым, актёрским составом исполнителей играли «Чайку». Четыре действия – четыре режиссёра-постановщика! Эта идея, как, впрочем, и вся сложнейшая в организационном и творческом отношении затея с проведением в странах, где приходилось жить и творить выдающемуся актёру и театральному педагогу Михаилу Александровичу Чехову, племяннику Антона Павловича, принадлежала Владимиру Байчеру. Проведя довольно успешно масштабные мастер-классы под титлом «Международная мастерская Михаила Чехова» в Лондоне, Берлине, Риге, он задумал очередную «Мастерскую Михаила Чехова» осуществить в Мелихове, на территории музея-заповедника. Байчер по телефону вышел на меня, директора Музея-заповедника А. П. Чехова. Мы условились для переговоров встретиться в фойе Союза театральных деятелей. Задуматься над предложением, которое в игривом изложении можно подать так: великий дядя принимает знаменитого племянника в своём подмосковном имении, что, действительно, весьма заманчиво с точки зрения репрезентативной. Известно, Антон Павлович вздыхал, сокрушался: «Ах, если бы у меня был театр!» А тут, пожалуйста, все флаги в гости к нам. Но осилим ли? Посовещавшись, решили, что вместе осилим. Вторжение на целых десять дней множества людей, говорящих на шестнадцати языках, располагающихся по-хозяйски буквально во всех помещениях, на всех лужайках, полянах, аллеях заповедника и самозабвенно занятых своими театральными учебными делами, физическими упражнениями, репетициями четырёх актов «Чайки», – это ведь нарушение музейных норм, попрание внутреннего распорядка, и на это иду я, директор, уполномоченный государством эти нормы соблюдать. А кто, каким образом восполнит убыток – музей десять дней будет закрыт для посещения? За это меня по головке не погладят. Но, как известно, риск – благородное дело.

К такого рода рискам привык, и, кажется, на моё «самоуправство» привыкло сквозь пальцы смотреть курирующее музей областное начальство. Привыкание к театрализации музея-заповедника, его просторов началось ещё в 1982 году, когда на мелиховском пруду под открытым небом играли «Чайку» липецкие актёры. Худрук Липецкого театра драмы Владимир Пахомов не удовлетворился однако единственной постановкой, пусть и знаковой. Не одно десятилетие барражировал над усадьбой Антона Павловича Чехова, приземляясь на лужайках, аллеях парка и сада, десантируясь на веранду мемориального дома, Липецкий театр, переиграв в Мелихове весь свой постоянно наращиваемый чеховский репертуар. Однако кому не ведомо, что один, даже очень голосистый, соловей не делает весны.

На монополию липчан не единожды покушались российские и зарубежные театры. Мелиховцы не противились этому, когда приезжали опробовать в мелиховской атмосфере новые постановки по пьесам Чехова театры из Брюсселя, Стокгольма, Берлина. Вместе со своей итальянской труппой набирался в Мелихове чеховского настроения немец-интернационалист Петер Штайн. В 1996 году актёрская сборная пяти московских театров под началом страстного поклонника Чехова, режиссёра Сергея Десницкого, используя музейную материальную базу (жильё, питание, сценическую площадку театрально-концертного зала «Мелихово», реквизит из музейных фондов), играла девять дней подряд спектакль «Дядя Ваня» в честь столетия горячо любимой публикой пьесы Чехова.

В том же, девяносто шестом, году Юрий Мефодиевич Соломин поставил «Чайку». Этот спектакль Малого театра создавался в тесном сотрудничестве с музеем-заповедником. Постановочный коллектив вживался в чеховскую атмосферу музея, что, несомненно, способствовало повышению градуса мемориальности спектакля. В 1997-ом режиссёр Десницкий поставил мою первую пьесу об Антоне Павловиче Чехове – «Известный вам интриган». Спектакль пользовался успехом – на разных театральных площадках он прошёл более ста раз.

Музей исподволь, постепенно, понемногу, превращался в театральный центр. Мне представлялось, что это закономерное следствие огромной притягательной силы личности гени-

ального драматурга Чехова. Именно тогда, в конце девяностых годов, покорённый личностью Чехова, увлечённо создающий одну пьесу за другой (все о Чехове!) стал я испытывать острое чувство ревности к славе Стратфорда-на-Эвоне – города Шекспира. Как же так, там существует всему миру известный музейно-театральный центр, проходят международные театральные фестивали, а чем меньше по значимости Мелихово, где написана «Чайка»? Англичане считают Чехова равновеликим Шекспиру, стало быть, дело за малым – надо создавать в Мелихове чеховский музейно-театральный центр.

Проведённые в конце семидесятых годов раскопки – исследование остатков белокаменного фундамента сгоревшего в советское время дома Вареникова, соседа Чеховых, – дали достоверные сведения о параметрах этого исчезнувшего было с лица земли усадебного помещичьего дома. В нашем музейном архиве хранились фотографии дома Ивана Аркадьевича Вареникова. Ровно таким же объёмом информации о разобранном в двадцатых годах прошлого столетия дома Чеховых располагал архитектор Афанасьев, воссоздавший мелиховское гнездо семьи Чеховых. Помимо романтических устремлений, в моём активе, послужном списке добровольца-строителя, были несколько осуществлённых проектов, которые воплощал в жизнь вместе, рука об руку с талантливым архитектором-дизайнером Игорем Литуриным. Это были девяностые годы, когда у государства денег на строительство не допросишься, поскольку царил сплошной бюджетный дефицит. Директор музея-заповедника, государственного учреждения, то бишь, я, грешный, ходил то с шапкой, то с протянутой рукой и насобирал денежных средств, дарёных стройматериалов, технической помощи столько, что хватило на постройку двухэтажного кирпичного здания научного центра музея. Открывали научный центр торжественно, съехались дарители и сочувствующие, прибыл в полном составе симфонический оркестр Малого театра...

У меня тотчас явилась уверенность в том, что воссоздать дом Варениковых, в котором должен был разместиться театральный учебно-методический центр, нам по силам. Руководитель Малого театра Юрий Соломин заверил, что мелиховский Чеховский учебно-методический центр станет подразделением Высшего театрального училища имени М. С. Щепкина при Государственном академическом Малом театре России. Так бы оно и вышло, не вмещайся в это доброе начинание местнический компонент. Пусть будет в Мелихове музейно-театральный центр, но нашего, областного, а не соломинского, московского, разлива. Музей на бюджете области состоит, так пусть в этом учебно-методическом центре учат театральному уму-разуму наши областные специалисты наших областных актёров и режиссёров. Известно, местничество – тупик. Попадёшь в тупик, потом из него попробуй выбраться.

Местничество возобладало. Меня, увенчанного золотой медалью за правильное руководство самым продвинутым в интеллектуальном и театральном отношениях музеем Российской Федерации и лауреатством в конкурсе газеты «Культура» «Окно в Россию», без большого шума понизили в должности, дескать, нос не задирай. Сменив неуютное руководство, принялись осыпать мелиховский музей бюджетными благами, откорректировав проект восстановления дома Вареникова, в эскизном варианте созданный мной и Лигурийским, забыв начисто о нашем авторстве, принялись строить заново дом Вареникова с приспособлением под чеховский музейно-театральный центр. Уф! Не найдя в области театральных мэтров, способных и готовых наладить, возглавить педагогический процесс в мелиховском музейно-театральном центре, удовольствовались названной мною кандидатурой Владимира Григорьевича Байчера, московского режиссёра, преподавателя РАТИ (ГИТИС) и Высшего театрального училища имени Щукина. Соломин после этих метаморфоз решительно отказался в дальнейшем покровительствовать. Летите, голуби, летите!

Байчер при поддержке губернаторских структур успешно налаживает работу народившегося мемориального мелиховского театра «Чеховская студия». Оказавшись 15 июля, в день памяти Антона Павловича Чехова, в Мелихове после молебна в церкви Рождества Христова

присутствовал на спектакле «Дуэль» (по Чехову), поставленном режиссёром Владимиром Байчером. Отменно хорош этот спектакль. Хорош прежде всего органичностью замысла, привязанностью к мелиховской среде.

На пруду, мемориальном, разумеется, памятном Байчеру по 1997 году, поставлены на понтоны в ряд три дощатых плота. Состоящие в штате актёры с увлечением, азартом даже, играют «Дуэль». Услышав слова Самойленко об окрошке, я так и привскочил над садовой скамьёй, среди других подобных служившей «креслами партера» театра, выстроенного на берегу мелиховского пруда, в котором некогда купались в жаркие дни июля Антон Чехов и его гости. (Вот для возобновления первоизданности отрывок из книги воспоминаний Михаила Павловича, младшего брата писателя: «В первое же лето приехали к нам в Мелихово П. А. Сергеенко и И. Н. Потапенко. Увидев этот прудок, уже начавший покрываться зеленью, Сергеенко разделся, бултыхнулся в него и стал в нём плавать.

– Потапенко! – кричал он из воды. – Чего ж ты не купаешься? Раздевайся скорее!

– Ну, зачем я буду купаться в этой грязной луже?

– А ты попробуй!

– Да и пробовать не хочу. Одна сплошная грязь!

– Но ведь в химии грязи не существует. Взгляни оком профессора!

– И глядеть не желаю.

– Ну сделай Антону удовольствие, выкупайся в этой его луже!

Сильный, многими талантами отмеченный актёр-эрудит, человек бывалый, в годах, ему в самый раз играть пожилого военного доктора Александра Давидыча Самойленко, Юрий Иванович Голышев уверенно вёл за собой молодых актёров в ключевой сцене постановки. Невозможно удержаться, чтобы не освежить в памяти читателей чеховский текст.

«После разговора с Лаевским Самойленко всё время от утра до обеда, несмотря на прекрасное настроение, чувствовал в глубине души некоторую тяжесть; ему было жаль Лаевского и хотелось помочь ему. Выпив перед супом водки, он вздохнул и сказал:

– Видел я сегодня Ваню Лаевского. Трудно живётся человеку. Материальная сторона жизни неутешительна, а главное – психология одолела. Жаль парня.

– Вот уж кого не жаль! – сказал фон Корен. – Если бы этот милый мужчина тонул, то я бы ещё палкой подтолкнул: тони, братец, тони.

– Неправда. Ты бы этого не сделал.

– Почему ты думаешь? – пожал плечами зоолог. – Я так же способен на доброе дело, как и ты.

– Разве утопить человека – доброе дело? – спросил дьякон и засмеялся.

– Лаевского? Да.

– В окрошке, кажется, чего-то недостаёт... – сказал Самойленко, желая переменить разговор».

Окрошка в третьей главе повести «Дуэль» возникает дважды неспроста. Вначале как некий символ предобеденной суеты на кухне, потому что для приготовления окрошки требуется и то и сё, вообще множество, посчитать – пальцев на руках не хватит, ингредиентов.

Окрошка, казалось бы, это заведомое отсутствие стройности, взаимозависимости, внутренней закономерности неожиданно возникающих при её изготовлении связей составных частей, дающих впечатляющие вкусовые качества. Наша жизнь – та же замысловатая окрошка, из несчётного числа ингредиентов она складывается, а их взаимодействие, взаимовлияние попробуй-ка учти.

...В июле 2010 года жаркие пламенеющие дни стояли, как новобранцы на плацу, мало чем отличающиеся один от другого. До полудня на небе ни облачка. Температура от 30 до 39 градусов в тени по Цельсию. Хочется забраться в прохладный угол, отыскать место тенистое, без прожигающих тебя насквозь солнечных лучей.

– Юрий Александрович, – протяжным, медовым, воркующим голосом, повернувшись ко мне всем своим, так много говорящим о щедрости природы-матушки станом, не произнесла, а пропела мои позывные любимая гостыя криушкинской дачи Надя Вакар, – ходят слухи, что вы – повар-волшебник, отменный кулинар. У нас есть сокровенное желание, у всех, я подчёркиваю, в том числе у вашей дочери Елены Прекрасной. И только вы его можете удовлетворить.

– Какое же?

– Соорудите к обеду окрошку.

– Ваше желание, Надя, для меня – закон.

Так, собственно, и началась история сотворения криушкинской окрошки. Стал я в памяти перебирать те самые ингредиенты, из которых готовится окрошка, то бишь холодная похлёбка из кваса, крошеного мяса, лука и других приправ.

Кому-то вдруг покажется, старинное это слово похлёбка – грубоватым. Однако не зря говорится: зрит в корень! Похлёбка на квасной основе оно и есть – хлёбово. Аль, мы уже не русские? Не про нас разве сказано, мы работы не боимся – было бы хлёбово! Отхлебав, прекрестись. Лучшее хлёбово в жару – окрошка, и её просят меня сотворить! Прежде всего требуется для окрошки крошеное мясо. Окрошка от него происходит. Не раздробив, не расщепив на мелкие части, не превратив в крошево мяса, окрошки не получишь.

Великолепна протяжная, округлая, соединяющая все составные части буква «о». Она связывает, соединяет и объединяет ингредиенты, и в итоге является на свет вкуснейшее блюдо – окрошка. Как её, окрошку, сотворить? Естественно, перво-наперво следует позаботиться о мясе. По бедности, случается, нашинкуют луку, огурцов, редиски, посолят это крошево, залиют квасом и зовут гостей: «Идите за стол окрошку кушать!» Да разве это окрошка, без мяса-то?

Мясо – мягкие части тела животного, состоящее из красных или красноватых волокон, образующих мышцы. Сегодня зачастую те, кто готовит и ест окрошку, собственно, с первозданным мясом и не соприкасаются. Для них мясо – это разнообразные колбасы, карбонаты, сосиски-сардельки и прочие мясопродукты из «копейки» или «пятёрочки». Их-то и режут-крошат для мясной основы окрошки.

Тем, кто прожил на свете полвека, по крайней мере, думаю, приходилось, хотя бы однажды, заготавливать мясо впрок. Так обстояло дело в каждом крестьянском хозяйстве: без скотины на подворье, какая же это жизнь? Мне это досталось в полной мере в годы войны – от десяти до четырнадцати лет. Я – единственный мужик в доме, где полон двор животины. Отрубить голову утке или курице – моя обязанность. Ощипать птицу – это уже дело женское. В хлеву набиралась мяса и сала на вольной картошке да зерновых отходах хрюшка. В ноябре, в канун зимних холодов, её короткий век приходил к концу. Мне, подростку двенадцати-тринадцати лет, приходилось без чувств и мыслей, засунув в карман заношенной, таковской, телогрейки тесак, нож с двухсторонним лезвием, в одиночку входить в тёмный закут. Странно это, а может быть, и естественно, думал я, в те, полные мальчишеской решимости, секунды, не о том, что лишаю дыхания живое существо, а о празднике, который только я в данных обстоятельствах способен подарить семье. Жареная поросятина с картошкой, шкварки, шипящие, дразнящие аппетит, источающие сытный дух, когда бабушка Анна Игнатьевна, зацепившись чапельником за край большой, тяжёлой чугунной сковороды, влечёт её по поду пышущей жаром русской печи на загнетку, – это праздник. И поросятина на пробу и ароматные шкварки – такая вкуснятина! Но эти радости приходили потом, когда всё трудное, тяжёлое, что перепало маме и мне, её помощнику, удавалось одолеть.

Первым делом следовало, затащив пятипудового поросёнка на дерюжный мешок, волоком тащить тушу через весь двор в огород, к копне золотистой яровой соломы. Огород засыпан слоем, толщиной в пядь, белым-белым, пушистым, выпавшим недавно, первым в этом году снегом. В какие-нибудь полчаса опалив поросёнка и тщательно вымыв тушу с головы до пят прокипячённой в печи водой со щёлоком, мамаша приступает к разделке.

У всех частей и органов своё назначение. Ливер – печень, лёгкие, сердце – складывает в эмалированный таз. Ливерный комплект – отменное лакомство. Жаренные с луком, щедро поддержанные живым, проникающим во все поры свиным салом лёгкие недели две не сходят с обеденного стола. Лёгкие и сердце, в чугуне с вечера до утра, томлённые в печи берёзовым жаром, выкладываются на разделочную доску, а затем мелко порубленные острым кухонным ножом смешиваются с таким же образом нашинкованными крутыми яйцами и поджаренным до золотистого свечения репчатым луком; и эта смесь составляет неповторимо прекрасную начинку пирогов, что пеклись у нас в доме из пшеничной муки грубого помола (пшеницу выдали на трудодни ещё в октябре), и пользовались они заслуженной славой. Помол был, действительно, грубоватый, но нам в самую пору. Пирог бабушка лепила большие, весомые; одним таким пирогом можно было насытиться.

Из распахнутого хорошо наточенным мною ножом чрева поднимался вверх пар: руки орудовавшей ножом мамы находились в тепле, и, когда она очищала и складывала в корзину поросычьи, сплошь покрытые сальными бугорками, кишки, делала она это споро, торопясь успеть, пока мороз не прихватил, не сковал их, прополоскать кишки, как полощут бельё, разбив прежде коромыслом хрупкий ноябрьский лёд у запруды на Жабке. Выпущенные поутру на волю похватать лёгкого, тающего у них в зобу снежку, гуси окружили хозяйку, полощущую исходящие паром остаточного тепла кишки. Гуси пытаются ухватить, ущипнуть торчащую из корзины требуху. Мама, стоя на коленях над прорубью, отмахивается от окруживших её птиц, которые с кликами, топоча и поднимая крыльями снежную пыль, громогласно гомонят.

– Га! Га! Га! – кличут, разбегаясь в разные стороны и вновь подступая к маме, птицы.

– Сынок, отгони ты их, чертей.

Кисти рук у мамы стали ярко-красными, пунцовыми, как лапы у гусей, важно расхаживающих по белому хрустящему снегу. И не бросишь начатого. Чтобы забыть про ломоту в пальцах, скованных ледяной водой, она представляет, как будет набивать кишки гречневой кашей. Какое это будет роскошное угощение после продолжительной выдержки их в основательно протопленной печи. Каша из-под ножа сыплется на фаянс праздничной тарелки янтарными, лоснящимися жиром горками ядрёных зёрен. А озябшие, замёрзшие до ломоты в костях руки?! Что ж, отойдут в домашнем тепле.

Однако, не легко даются хозяйке поросычьи ножки для студня, кишки с жирком под колбаски с гречневой кашей, ливер для пирожковой начинки, окорока, спинка, мясо с рёбрышками, грудинка – всё, пойдёт впрок, в запас. Кстати, и окрошке из этого богатства в будущем что-нибудь да перепадёт.

Не осуди, я в лаптях – сапоги в сенях.

Такая моя жизнь, такой пригожей мне она видится. Сегодня, что ж, всё по-другому. Да, груба, бесхитростна и простодушна была та, ушедшая в прошлое жизнь, но, на мой вкус, она мила и приманчива. До неё, увы, не дотянуться американизированной нынешней, бездуховной и безвкусной, на мой взгляд, естественно.

Прошли годы и не малые. Окончил вуз, завёл семью. Пишу стихи о «прекрасных дамах», эстетствую. Но однажды мой школьный товарищ знакомит со своим приятелем, венгром Петером Паппом. У того отец, разумеется, в Венгрии, имеет свиноферму и колбасное заведение. Разговорились. И Петеру, и мне весь цикл поросычей жизни довелось познать на практике в ранней молодости. Вспоминали какие блюда из поросятины творят хозяйки в Венгрии и в России. Подвернулся на этот случай дружок из ближнего Подмосковья. Кажется, это был посёлок Кратово. У нас, говорит он нам, нехватка специалистов, некому поросёнка забить. Дескать, не возьмётесь ли, ребята? Ну, мы с Петером и согласились поехать в Кратово.

С давней военной поры не случалось мне с ножом входить в закут. Петя тоже держался робко. Но, назвался груздем, полезай в кузов. Никудышные мы с Петером Паппом оказались специалисты. С грехом пополам, измучившись, справились с поросёнком. Решимость, когда

это диктуется необходимостью, в крестьянстве, к примеру, такое не зазорно. А в Кратове взяли мы, как следует не подумавши, за то, за что в нашем новом интеллигентском обличье и состоянии братья не следовало. Простота решений – она же иногда хуже воровства. Вот и вышло, вроде бы мы в лаптях, а на деле не сняли в сенях барских сапог.

Поросятиной в Кратове, оказавшись в весёлой компании, основательно закусили и в московском столичном метро выглядели далеко не комильфо. Кратовские хозяева приторочили к правой руке каждого из нас по здоровенному куску свинины, так сказать, заработанное. И нас едва не забрали в милицию. Подозрительные личности – будто из фантастического романа Михаила Булгакова.

Окрошка... Жизнь едва ли не каждого из нас, в сущности, та же окрошка – сложение многообразных, проявляющихся в разных формах и видах обстоятельств. Не удивительно, что окрошка у каждого на свой вкус. Ингредиенты в ней, как ни мудри, характерные, приятные или привычные для данной личности, с учётом индивидуальных предпочтений. Вот сейчас мысленно пытаюсь представить, какое крошево, то есть окрошка, из множества занятий, увлечений, профессий, получится, если всё сложить, перемешать, сдобрить приправами, соли и горчицы не забыть добавить, залить житейским квасом и умастить всё это склеивающей, связывающей ингредиенты в единое целое сметаной самообольщения.

Не хочу быть голословным. Порассуждаю хотя бы о своих профессиях. Давно это было, в тридцатых годах прошлого века: Леонид Утёсов в песне о метро разыгрывал иронический миниспектакль.

– Эй, извозчик?

– Какойя тебе извозчик? Я – водитель кобылы.

Н-о-о!!! Милая!

В колхозе «Красный Октябрь» десятилетним вихрастым пареньком я начинал свою трудовую жизнь именно водителем кобылы. Её звали Вьюга и об этом написан рассказ, вошедший в книгу «Сказать да не солгать». Был я в колхозные годы ещё и завзятым косарём.

Размахнись, рука!

Раззудись, плечо!

И пахарем.

Все крестьянские профессии за годы войны к себе примерил. Дорого это теперь вспомнить и заодно погордиться. Чересчур скромная моя мамаша, ведавшая в колхозе всем учётом, мои учётные книжки с трудовыми кому следовало не предъявила, и вышло, словно я не участник трудового фронта – стаж мой трудовой начал учитываться лишь по окончании вуза, с начала инженерной деятельности. А 200–300 трудовых в год в нелёгкое военное время – это что? Так, детские игры, баловство?

В студенчестве приходилось подвизаться ради заработка разнорабочим. Выпущенный из МАИ с дипломом инженера-механика некоторое время трудился на инженерных должностях. Был политработником – заорг райкома комсомола, инструктор горкома. Затем – литсотрудник, спецкор центральных газет, очеркист, редактор, заведующий редакцией, искусствовед, сценарист, драматург; главный редактор газеты, журнала, издательства; директор музея, писатель и множество промежуточных профессий, освоенных мною за десятилетия работы газетчиком; редактором, издательским и журнальным. А ещё литзаписчик, имевший дело сплошь с самыми знаменитыми людьми. И преподаватель. И лектор. Уф! Та ещё окрошка! Но линия развития личности, предназначение человека (извините, о себе заговорил в третьем лице), устремления без труда различимы.

Не пора ли вернуться к криушкинской окрошке?

Заглянув в холодильник и обнаружив в нём два сорта колбасы, бекон, буженину и даже свинину на косточках для первого, понял, что мясом окрошка будет красна.

За овощами отправился на огород.

Лук-репка, пряное, острое, ароматное растение, дающее выход вкусовому благоуханию мяса, картошки, гречки, сала и всех других добротных продуктов, с коими вступает в кулинарное партнёрство. Лук – моё любимое огородное растение.

Лук из благородного семейства лилейных (лук и лилия – брат и сестра, так что, барышни, не фыркайте, увидев в селёдочнице в тесном контакте с тихоокеанской или атлантической излюбленной закуской к рюмке водки лук, зелёный или репчатый). Необходима к тому, что в скобках, реплика: барышни и дамы ныне в застолье предпочитают суррогатным винам элитную водку. Лук на нашем скромном, но старающемся не ударить в грязь лицом, из последних сил поддерживающем свой авторитет, завоёванный в далёкие семидесятые годы, огороде открывает парад-алле. Конечно, для полного впечатления следовало бы, как это делалось иногда на Красной площади, когда впереди парада или завершая парад шествовали юные барабанщики, иметь грядку лука-севка, из которого на следующий год, собственно, и вырастает лук-репка, то есть лепестная шишка, сидящая в земле ступка в семи юбках. Надо сказать, когда я пришёл на огород по окрошечной надобности, лук для этой самой надобности был в лучшей поре: репка набрала силу, солидно округлилась, и трубчатые стрелы-листья вовсю зеленели, сочные, сладко-горьковатые на вкус.

Севка с прошлого года у нас не было. Огородники, живущие в Москве и лишь на полевой сезон, большую часть этого сезона пробавляющиеся по занятости на службе уикэндами, ущербны. Как правило, нет у них семенного фонда, своего посадочного материала. Огородник, который сам выращивает семена под свою почву, под личные летние и осенне-зимние надобности, – это огородник с большой буквы. У нас же по сути, как в студенческой песне пятидесятых годов прошлого столетия:

У иных насчёт детишек туго,
Нет у них детей своих родных.
И берут они их из приюта,
Часто выдавая за своих.

Ну, прямо в точку! Нынешняя хозяйка нашего сложносочинённого семейства, моя дочь, доцент МГУ Елена Юрьевна Николенко, по ею заведённой традиции покупает в московских магазинах семена овощных культур в пакетиках (откроешь такой пакет-сюрприз и, рассчитывая по наивности засеять грядку редиски длиною в пять шагов, обнаруживаешь в нём полтора-два десятка зернышек-семечек: помните надеюсь, социализм – это учёт, а капитализм по большей части – хищнический расчёт). В первых числах мая Лена покупает (она автомобилист – я ныне пешеход!) рассаду огурцов на переславльском рынке. Криушкинская гора – место высокое, сухое, тёплое, и огурцы под моим неусыпным глазом ежегодно роят так, что никому мало не покажется. Огурцы отменной красоты и вкусноты. И тут я начинаю хвастать в полном соответствии с четвёртой строчкой студенческой песни – «часто выдавая» блестящую огородную породу, приобретённую на рынке, за своё.

Нынешней весной килограмм севка купила где-то по моей просьбе соседка и вызвалась принять участие в его посадке. Чёткие ряды утопленных ею в рыхлую землю на три – четыре сантиметра малюсеньких луковичек напоминали в проекции сверху каре батальона пехотного училища на плацу.

Теперь луковая грядка являла собой роскошное, благоухающее фитонцидами царство, уже изрядно прореженное. Хозяйки, сменяющие друг дружку на кухонном поприще, еже-

дневно брали к столу несколько луковиц с зелёными стрелками, что посочней. То же проделал и я, набрав солидный пук обожаемого мною овоща, которое по полезности пока не попало в книгу рекордов Гиннеса, зато в определении Владимиром Далем того, что есть окрошка, луку отведено почётное место: «Окрошка – холодная похлёбка из квасу, из крошеного мяса, луку и других приправ».

Кто ест лук, того Бог избавит от вечных мук. Лук от семи недуг. Лук да баня всё правят. Попробуй возрази народной мудрости. А зачем возражать, ей надо следовать. Взвзвываясь в этом году мне помогать соседка Ольга Васильевна – большой знаток снадобий, народных лекарственных средств. У неё рецептов и пословиц к случаю пруд пруди. Среди часто употребляемых ею перлов народной речи – горе луковое. О всякого рода неумёхах, растеряхах лучше не скажешь. Это и её материнское сетование в адрес единственного сына. Позднего дитяти. Ему сейчас двадцать восемь, а он всё не у дел. Возможно, от поздних родин происходит поразительная инфантильность Иллариона. Есть такая у русского народа весёлая и мудрая поговорка, я уже её вспоминал: «Мы работы не боимся – было бы хлёбово». Насчёт первой части этого суждения Иллариону лучше помолчать. Он до страсти боится работы. Едва не каждый день ходит на собеседования по поводу предлагаемых ему работ, и всё впустую. Видимо, нет такой работы в гигантской Москве, которая устроила бы Иллариона Кулакова. Увы, он не одинок – число бездельников, которых в советское время справедливо называли тунеядцами, множится, и нет на них управы и укорота.

Чем жив Илларион, спросите? Кроме неоплаченных долгов, ничего нет у него за душой? Пословица русская правду и только правду в себе заключает. «Голь голью, а луковка во щи есть». Это так! По весне зайдёте на любой огород обязательно найдёте там «луковку во щи». Снег до конца не сошёл, а из земли там и сям торчат луковые листья-стрелы, и луковки уже завязались. Ну, не ступка в семи юбках, но во щи бедняку, не работающему из принципа зрелому мужчине есть, что бросить. Но где взять денег на капусту и мясо? А не беда! Мать-пенсия прокормит...

Соседняя с луковой – грядка столовой свеклы. Уже округлились перваки – бойкие, опередившие всех корнеплоды. Но я на них не позарился. Свёкла, на мой взгляд, не годится в окрошку. У варёной свеклы сладковато-приторный привкус, а крошево из сырых корнеплодов может привести к расстройству некрепких желудков. Сыроежество – дело скользкое.

В Севастополе летом 1965 года со мною по причине сыроежества такое случилось, что едва концы не отдал. Мой приятель, директор севастопольской художественной школы Евгений Андреевич Кольченко, у которого я с женой Евгенией Серафимовной гостил, благодаря своему красноречию, совратил было нас на путь сыроедения. Чтобы мы убедились в высоком достоинстве исходных продуктов, он повёл своих гостей на центральный рынок города, где была куплена свежайшая баранина, отборная говядина и великолепная свинина. На домашней кухне Евгений Андреевич, наш сверстник, бородатый, сухощавый, постоянно улыбающийся в пышные бороду и усы, добродушный оптимист долго, тщательно уснащал фарш солью, перцем, толчёнными в ступе грецкими орехами и тонкими специями. Сели за стол. Выпили всласть по стопке холодной водки с украинским акцентом, горилки то есть. Стали вкушать наперченный, хорошо посоленный, нашпигованный добротными снадобьями фарш-коктейль. Не долго музыка играла! Проглотив три ложки сыроедского месива, я почувствовал острую боль в желудке. Стала подниматься температура. Только вовремя принятые тошнотворные средства помогли очистить желудок и к вечеру прийти в более-менее нормальное состояние. А Кольченко хоть бы что! Сидит на кухне в тельняшке с раскуренной трубкой во рту, виновато улыбается, изредка цокает плотоядным ртом.

Когда из Севастополя он перебрался в подмосковные Мытищи, где опять же директорствовал в детской художественной школе, мы стали встречаться чаще – расстояния сократились. Я к нему навещался и в дом, и в мытищинский музей, процветанию которого он активно

способствовал и как подводный археолог, в Херсонесе и Ласпи, извлекавший со дна морского десятки античных изваяний разной степени сохранности, друзы, фрагменты беломраморных капителей, и как острого плана современный художник, и как мэтр экспозиционного искусства. В детской художественной школе Кольченко – кумир одарённых ребятшек и это бросалось в глаза. Все техники монументального искусства под его талантливым руководством осваивались учащейся молодёжью не в схоластических разговорах и пустопорожних мечтаниях, а руко-творно. В охваченной вдохновением школе: в помещениях классных и на просторе рекреаций, во всех углах здания и даже на дворе варили, резали металлические листы, осваивали древнюю как мир технику энкаустики, лепили в глине и тут же формовали в гипсе скульптурные композиции, писали отчаянно яркими, убийными (наповал разящими) красками на огромных квадратах древесно-стружечных плит яркие, радостные картины. Евгений Андреевич с трубкой в зубах расхаживал по всему простору занятой искусством художественной школы, при необходимости делал ученикам уточняющие или направляющие подсказки.

В 1980 году отмечалось столетие Антона Павловича Чехова. Будучи заместителем директора мелиховского музея-заповедника, среди прочего я должен был заказать, проследить за ходом исполнения заказа и провести торжественное открытие мемориальной доски на фасаде помнящего Чехова здания станции Лопасня. Почётный заказ с охотой взялся исполнять Кольченко.

Горельеф с достоверным, портретным изображением великого писателя (в основу изображения была взята фотокарточка тридцатидвухлетнего Чехова) Евгений Андреевич исполнил в технике выколотки по меди. 29 января 1980 года, в полдень, при большом стечении народа, при звуках государственного гимна, исполняемого духовым оркестром, под аплодисменты собравшихся на торжественный акт открытия бронзового горельефа ниспала белая пелена, и на нас с фасада станционного здания глянул пронизательно, оценивающе, как бы явившийся в сей миг из далёкого 1892 года молодой доктор Чехов. Так он представился мелиховским крестьянам в первый день по приезде: «Я доктор, буду вас лечить». Умное, интеллигентное лицо, взгляд в себя и в даль времени, непостижимо огромного. Такой взгляд был характерен для Антона Павловича мелиховского периода. Скалькированным чеховским почерком вычеканено по меди: «Станция Лопасня, Моск. – Курс. Это мой новый адрес».

Более ста лет нет на этом свете Чехова. Нет среди живых Евгения Андреевича Кольченко. Но время Чехова запечатлено в художественном образе, и это прекрасно. Чехов с нами. Мемориальная доска напоминает, что десятки раз он выходил из вагона на станции Лопасня. В ожидании отправления поезда (он всегда приезжал на станцию из Мелихова загодя, заранее, заблаговременно) пил чай в станционном буфете, беседуя о разном с начальником станции Ивановым.

Оставлю на время в покое историю, далёкую и близкую, и вернусь к возлюбленным криушкинским грядкам.

Ух! дошел в добывании ингредиентов для окрошки до редиски. Это третья грядка на нашем малюсеньком огороде. И вспомнилась некая редисочная история. Смех и грех, честное слово.

Купили у Ширшиковых дом не без мытарств и озорных поворотов, о чём поведаю, к случаю, позже. Въехали. Принялись избу преобразовывать на свой лад. На дворе весна. Запоздалая, правда, дождь со снегом. А земля семени ждёт. Во мне крестьянское, земледельческое ретивое взыграло.

– Хотя бы редиску посеять, самую раннюю культуру – бросаю вызов хозяйке, жене Евгении Серафимовне.

– Сей, кто тебе мешает?

Нашёл на дворе лопату и пошёл в сад-огород перекапывать землю под редис. Когда посеял редиску и готов был приняться делать грядку под морковь, вдалеке, возле магазина,

который помещался в те годы в деревенской часовне, послышался голос бригадира Бородулина.

– Чего вы встали, медлите? Время к полудню – рассадку погубите. Заезжайте на усадьбу. Дом он купил, а земля усадебная – колхозная.

Ко мне, новосёлу, с тележным скрипом и бабьим гомоном приблизилась экспедиция, как тотчас выяснилось с целью организации под окнами только что приобретённого мною дома Шириковых теплицы для доращивания рассады. Представители огородной бригады дышащего на ладан колхоза «Рассвет» сидели на телеге, спустив ноги на стороны. У одной из женщин в руках вожжи, но не она правила – коня под уздцы вёл Бородулин... На телеге располагался инвентарь – лопаты, вёдра, лейки и стояли ящики с рассадой капусты и помидоров, а ещё с десятков свежих досок для устройства парника. Что мне оставалось делать? Штык в землю – и наблюдать, как командует бабами бригадир Бородулин.

– Будем здесь устраивать... На исконной колхозной земле, – он обращался явно ко мне. – Вам она не принадлежит. Дом Шириковых отныне ваш – вот и хозяйничайте в доме. Вижу, Аграфены кухонную перегородку уже сняли, по-городскому устраиваетесь... Земля у покойницы хорошая – чернозём. Парники для доращивания рассады будем здесь сооружать.

Коня, только разнуздав, он привязал к столбу электропередачи, полагаясь на его прочность. Скоренько бабы-колхозницы, разметав мою грядку, углубились в чернозём и стали из привезённых досок творить парник. Чтобы земля не осыпалась, крепили с четырёх сторон вырытую траншею привезёнными досками. Набили парник навозом в смеси с землей, положили в заготовленные ямки помидорную рассаду и помчались с ведрами в кундыловский овраг, именуемый Гремучим, к роднику, из которого половина деревни брала воду. Принесли воду, прикопали и полили рассаду. Больше к колхозному парнику никто ни разу не наведалься. В результате возникло растительное месиво из переросших помидоров, чертополоха, тысячелистника, лебеды и других не столь знаменитых сорняков. К осени через сельсовет мы выяснили, что купленному дому по закону принадлежит и усадебный участок. Стали хозяйничать на нём. Тогда же, осенью семидесятого года, я посадил среди вишенья антоновку-трёхлетку; сегодня это могучее, обильно плодоносящее, матёрое яблоневое дерево.

В том же семидесятом году или годом позже колхоз «Рассвет» переформировали в совхоз «Рассвет», но расцвета социалистического сельского хозяйства на криушкинской земле так и не произошло – близились иные времена: судя по всему, возвращалась частнособственническая жизнь. Эпоха, когда колхозы исполняли роль локомотивов истории, отошла в прошлое.

Бородулин от пустых, формальных в сущности преобразований, сознавая их тщетность, закручинился и занемог. В летнюю пору он едва ли ни каждый вечер с печальной думой сидел на одинокой скамье, вкопанной им в самой высокой точке горы Дикарихи. Отсюда открывалось всё, как есть, огромное, завораживающее своими просторами Плещеево озеро. Коренное, земледельческое, крестьянское Криушкино в семидесятых таковым перестало быть, стремительно превращаясь в дачное поселение. Он, Бородулин, отдал всю свою жизнь колхозному строительству и, выходит, ничего не построил?

Строгая, не признающая эмоций дама Клио, разумеется, записала на своих скрижалях: колхозы сыграли важнейшую роль в индустриализации СССР, обеспечивали продовольственными ресурсами страну в годы Великой Отечественной войны и в послевоенные годы. Про то, что война обескровила русскую деревню (в армию было призвано поголовно всё мужское население деревни Криушкино – вернулась с войны одна треть мужиков, едва не половина инвалидами), Клио помалкивает, точнее сказать, вынуждена была помалкивать, когда ой как припекало! Вот и сидел, неприкаянный, погружённый в тоскливые думы. бригадир Бородулин на вершине Дикарихи... в ожидании смертного часа, который не заставил долго себя ждать.

Будущего, даже в самых скромных, бескрылых мечтах, для него не существовало. Эта злобная бесперспективность молниеносно свела его в могилу. Скамья на философском пупке

Дикарихи вскоре понадобилась диким туристам в холодное время для костра. То, о чём тужил Бородулин, достоверно никому не известно. Однако это были серьёзные раздумья исторического толка.

Моя сегодняшняя забота – всё же, увы, редиска для окрошки. Овощ сей, как ни крути, довольно привередлив. Сеяли редискины семена по науке, по написанному на пакетике: между зернышками расстояние – сантиметр. А что вышло? Одно из десяти семян уродило годное в окрошку произведение огородного искусства. Остальные девять возжелали, с какой-то стати, пойти в цвет.

С редиской в своё время в Лопасне мыкалась родительница Татьяна Ивановна Бычкова, знатная огородница. Она высевала редис бесхитростно – сколько пролетит в бороздку между пальцев зёрен-семян, то и хорошо. И продёргивать загущенные всходы – не было у неё такого заведения. Руки не доходили до вкусного, сочного овоща с длинным хвостом. Она в надлежащие сроки пикировала, производила пересадку, разрежала всходы томатов и капусты, а продёргивать редиску считала делом не обязательным. Дескать, будут все, кому не лень, лакомясь раннеспелым редисом, брать плоды, что покрупней, покруглей, попримягднее и таким образом освободят жизненное пространство для других растений. Стало быть, корнеплоды, что не пойдут в цвет, дадут нам, в конце концов, достаточно спелую краснобокую красавицу, дабы могли мы всласть похрупать, вонзая зубы в сочный розовый бок редиса, да и в окрошку для тонкости вкуса, для лёгкой горчинки и изысканного аромата, измельчив её, втюрить охота.

До поры, до времени, видя на московских и переславльских рынках красивые, ладные укладки мерного, одного размера, цвета и формы, редиса, недоумевал: как, каким образом обеспечивается выход этой стандартной продукции? А ларчик просто открывался. Технологию эту в яви лицезрел я на образцовом огороде Пантелиных в Мелихове. Меня связывает со старейшиной рода Пантелиных Марией Михайловной давняя дружба; бываю у них дома и на усадьбе всякий раз, как оказываюсь в Мелихове. Секрет пантелинского успешного огородничества в том, что не одна Мария Михайловна, а вся семья старательно, кропотливо, с соблюдением агрономических норм и применением рациональных приёмов выращивает не на продажу, не на казовый, презентационный прилавок, а для себя, для своих надобностей овощи, редис в том числе (ядрёный, мерный), потому что соблюдаются все условия для его идеального произрастания. Семечко от семечка в должном удалении друг от друга и на заданную глубину погружают в землю, разработанную, удобренную, выровненную до гладкости. В пору огородной посевной страды все члены семьи, проживающие в Москве, Нерасстанном, Домодедове, под ружьём у Марии Михайловны. И уж тут нарушения технологии быть не может и всё.

В Криушкине во время посевной обычно на огороде пластаюсь один: вскопал землю, заложил грядки, граблями размельчил пустой чернозём (он без питания какой год уже, и знаете почему – скот на десятки верст вокруг извели, ни колхозов, ни совхозов вокруг Переславля), проделал бороздки, засеял, заровнял, прикрыл землёй семена и, как шутят в моей родной Лопасне, дальше, хоть трава не расти. А она, сорная трава, в дождливую погоду пробивает себе путь наперёд семян из пакетиков и холщовых мешочков. Тогда выступает на огородную арену дочь Елена Юрьевна Николенко, кандидат наук, доцент филфака МГУ, задетая земледельческой страстью в Лопасне, где она в малолетстве воспитывалась бабушкой Татьяной Ивановной. Лена, едва сорняки проклюнулись, начинает их выпалывать, изводит сорняки под корень. Остальные члены семьи, кандидаты, дипломированные специалисты, земли не чувствуют вообще. Для них что асфальт, что чернозём – одно и то же!

Оно, конечно, здорово быть постоянно внутренне свободным, независимым, не привязанным, ну, скажем, к той же огородной земле. Тебе нравится, ты в ней и копайся, а мы – кто с книжкой, кто с отвёрткой. Не знаешь, что и сказать? Что лучше-то? Как у нас в Криушкине или как у Пантелиных, где царит крутой матриархат Марии Михайловны? Несмотря на то, что ей

восемьдесят шесть, она держит семью в узде. (Как показала «Манежка», свобода нас погубит, если дети в семьях будут расти как трава – без надзора, без укороту.)

А что есть семья? По Далю, к примеру.

Семья – совокупность близких родственников, живущих вместе. Пожалуйста. Если позволите, мой комментарий. Не обязательно, разумеется, вместе в двенадцатиметровой однокомнатной квартире впятером жить. Как это сплошь и рядом было полвека тому назад. Ведь что Даль говорит? Послушайте внимательно. Вдумайтесь.

Семейное согласие всего дороже. Семьёй и горох молотить. Семейная каша погуще кипит. Семейно – всей семьёй. В кругу своей семьи жить следует.

На окрошку редиски я на своей грядке всё-таки набрал. Не придётся ли в другой раз ехать за редиской в Переславль на рынок или в матриархат Пантелиных? А что? Всё может стать, коли лада в семье не будет.

...Укроп раньше самосевом завоёвывал себе огородное пространство. Извините за такую нелепость, грубость, можно сказать, с ним приходилось бороться, а вот подкосила, забила вождельный укроп кавказская кинза. Но, подверстав эту самую южную кинзу вместе с петрушкой в окрошку как неплохие, обогащающие вкусовые данные похлёбки приправы, посмотрим попристальней на укроп, который и петрушке – брат, и отменно самостоятельное огородное растение семейства зонтичных со многими замечательными качествами.

Привлекает гастрономов его сильный, пряный, освежающий в жару запах. Вкусно пахнут его перисторассечённые сизо-дымчатые листья. Когда укроп зацветает, в высшей степени готовности быть желанными и полезными людям пребывают все его содержательные компоненты. В укропе наготове ароматизированный растительный сахар, благоухание этой пушистой травки обеспечивают эфирные масла, к вашим услугам соли железа, калия, кальция, фосфора (надо ли говорить, как они нам необходимы!), играет своими оранжевыми мышцами каротин, а он, как известно, улучшает, плодовитость, а ещё на высочайшем качественном уровне укроп предлагает нам витамин С.

Молодые веточки укропа с желтоватыми цветочками пойдут в окрошку в изрядном количестве. Чем больше укропа, тем лучше. Ароматной, всем полезной будет окрошка! Так что держись, укроп. Ох, не удержится он до осени. Укроп востребован, да ещё как! Стебли, побуревшие зонтики, усыпанные семенами, – важное снадобье, источник духовитости при засолке огурцов. В огуречном рассоле, радикальном средстве для опохмелки, зонтики со стеблями укропа и творят, главным образом, этот чудный эликсир. Разумеется, без бочки с огурцами никакого эликсира не состоялось бы по определению.

Хорошо назвал любимый народом, популярный, кажется даже чересчур, огурец Владимир Иванович Даль. Огородный плод. Вот как! Всем повсюду летом 2010 года было душно, жарко не в меру – только не огурцам. Ночью не меньше четырнадцати градусов по Цельсию, и огурцы целых два месяца плодятся с удивительной стремительностью. Вчера большую корзину собрал, а, глядишь, сегодня подросло огородных плодов столько, что и в бельевой корзине не унесёшь. Любит, ласкает народ добрым метким словом это огородное чудо: огурчик, огурчище, огурчишка, огуречище. Чем не молодец, если нос с огурец. Белогубы огурцы, молодцы белопупы. Последние четыре слова – скороговорка. Попробуйте справиться, коли вы во хмелю!

Ожидалась по случаю приезда знатных гостей баня. Первыми на свежий пар ринулись женщины. Мужчины в ожидании своего часа выпивали, закусывая криушкинскими малосольными огурчиками.

– Известное дело, где огурцы, там и пьяницы, – ворчала тёща Александра Васильевна, ставя на стол большую чашу, до краёв наполненную аккуратненькими, крепенькими, пахучими малосольными огурчиками. Компания засела в тесной, исключительно уютной, срубленной в своё время Федором Ширшиковым в полбревна кладовой, обживаемой московской интеллигенцией на свой лад. Бывшая кладовая, на местном плотницком речении клеть, стала

гостевой комнатой. В тёмной кладовке прорубили окно, и она обратилась в светлицу. Да и собраться в вечерний час в ней куда как хорошо. В тот раз в клети, если прислушиваться со стороны, беспрестанно гудели, как шмели, басовитые, перемежаемые теноровыми вскриками мужичьи голоса. Академики-физики, художники, музыканты и аз, грешный, – литератор – травили байки, анекдоты, гремели гранёными стопками и стаканами, хрупали крепкими, ароматными под воздействием пахучих смородиновых и богатых дубильными веществами дубовых листьев огурцами. Стоял плотный говор, в который то и дело врезались гулкие, отдалённые удары, доходящие до нас через две стены, бани и клети. Это дамы в парной с отяжкой лупили друг дружку берёзовыми вениками, не минуя, надо полагать, и нежных частей тел, тех самых дамских прелестей, за которые в доме Антона Павловича Чехова в обязательном порядке понимали второй тост. Спросите: почему не первый? Первый в русских застольях пьют за родителей.

Мерный ход благостного застолья прерван был раздавшимся снаружи, вблизи окна нашей светёлки, отчаянными воплями:

– О-о-о! Моя жопа! О-о-о-о-о! – крик, удаляясь, погас за дверью бани.

Что случилось? Вопила, неистово кричала женщина. Отчего?

Вскоре выяснилось: доктор философии Калифорнийского университета Мэрилэнд (её американскую фамилию запамятовал), всласть похлестав себя ароматным, ласковым веником, вылив на себя ведро холодной воды, выбежала на лужок освежиться, подышать вечерним деревенским воздухом. Не найдя удобным тут же присесть, чтобы пожурчать, метнулась за угол двора и, что называется, не разбирая дороги, врезалась в заросли крапивы, которая обычно буйно произрастает вдоль заборов, у стен хозяйственных построек.

Пребывание Мэри в течение недели в компьютерном лагере, открытом ещё в прошлом году Евгением Павловичем Велиховым на Кухмаре, не прошло для неё даром. Она прилежно изучала в подобающей среде русский язык и успела усвоить несколько, бывших в ходу популярных слов и выражений, в их числе было обиходное в народной речи слово «жопа». Отдав должное незаурядным лингвистическим способностям Мэри, мужская компания, что называется, выпила «по тринадцатой» за её здоровье, которое, как известно, только прибывает от соприкосновения со жгучей крапивой. Далее принялись за вокал.

По Дону гуляет,
По Дону гуляет.
По Дону гуляет
Казак молодой.
О чём, дева, плачешь?

На этих словах раздался гомерический хохот, и в горницу, без стука, вошла Александра Васильевна.

– Академики-алкоголики! Ночь-переночь, а они пьют вино, горланят песни. Ребёнок в избе не спит, потому что всё слышно. Девочка-малышка – десять месяцев от роду ей всего.

Как стремительно летит время! В избе прислушивалась к доносящимся из горницы голосам моя внучка Галя. Близость академической среды, несомненно, отразилась на её биографии. Галя окончив журфак МГУ (в дедушку было пошла), без задержки освоила учебную программу филологического факультета и получила второй диплом (в маму теперь пошла), куда в конце-концов поведёт её научная стезя, поживём – увидим. Она, не медля, вышла замуж, родила дочку Дуню, нянчит сейчас уже полугодовалую очаровательницу.

Момент появления Дуныши в Криушкине в возрасте самом что ни на есть начальном, в разгар жаркого лета, я попытался тогда же запечатлеть, как смог, в прозе.

Итак... Плавный ход писательских размышлений прервал авторитетный, басовитый, основательный (всё это – прямые указания на меццо-сопрано или контральто в будущем) младенческий ор пробудившейся, проголодавшейся моей правнучки Дуни.

Хорошо родиться со своей песней. Дуня, моя Дуничка, Дуня-тонкопряха. Когда впервые взглянул на неё, улыбнулся радостно. Мне явилось не случайно в сияющих глазах малютки неосознанное, инстинктивное ощущение прелести Богом дарованного бытия.

Она наделена несказанной жадой жизни. Очаровательный, готовый вкушать, едва слышно чмокать, выражать чувство голода или блаженство сытости ротик. Носопырка – кнопка. Изящные, миниатюрные ушки. Умилительные, легче гагачьего пуха, золотисто-блондинистые волосы, красиво обрамляющие её далеко не бессмысленное лицо. А руки! Они всегда на свободе. Теперь не принято пеленать младенцев, чтобы не лишать их возможности стремительно развиваться. И милые Дунины царапки вовсю осваивают близлежащие окружности, плоскости, доступное им пространство. Жажда движения сулит незаурядный темперамент в будущем.

Юные родители, Илья и Галя, давным-давно знали, что родится девочка (наука не дремлет) и что назовут они её Дуней. А я, когда узнал об этом, тотчас услышал в себе:

Пряла наша Дуня
Ни тонко, ни толсто,
Дуня, наша Дуничка,
Дуня-тонкопряха.

Когда доверили взять на руки Дуню, не удержался, спел ей этот куплет и видел, песня пришлась ей по сердцу – на губах девочки играла лёгкая, как тающее в лучах утреннего солнца облачко, улыбка. Мелодия, верилось мне, коснулась лаской её ангельской души.

...Раскрасневшиеся, весёлые банные жёны зашли в светёлку, чтобы услышать: «С легким паром!» На руках у Евгении Серафимовны сидела вконец пробуждённая, румяная со сна десятимесячная Галя. Таково стремительное течение нашей жизни.

Академики-физики Евгений Павлович Велихов и Николай Николаевич Пономарёв-Степной спели ещё одну протяжную народную песню и отправились париться. Гости уезжали из Криушкина на рассвете. Выходило солнце. Пели, щебетали, свистели ликующе птицы. Все разом.

...Самая видная грядка криушкинского огорода – салатная. Пышные, нежные, формой словно купы деревьев или кустарников. Целых три сорта салата на одной грядке! Вариации на тему рококо! У грядки с салатом невольно вспомнилась, как живая предстала Евгения Серафимовна. Завтра. 17 июля, день памяти. Она умерла три года назад. Женя, можно сказать, жила красотой. Искусство – её кислород, а совершенные формы – особая слабость. Она обожала огородный, в утренней росе, салат. Пышный, с большими закрученными в витиеватые спирали листьями салат, напоминал ей архитектурный стиль рококо, отличающийся изысканностью форм, причудливой орнаментикой. Ламбрекены на окнах усадебного дома Чеховых в Мелихове после проведённой в 1995 году реставрации она конструировала, памятуя о любви Чехова ко всему французскому и о своей увлечённости приёмами изысканного стиля рококо. На отдыхе вместе с семьёй академика-физика Николая Николаевича Пономарёва-Степнова на Чёрном море в Агудзерах Женя при всяком удобном случае заводила разговоры об искусстве. Тем было предостаточно. Майя, супруга знаменитого физика, была заводилой экстремальных, левого уклона, по существу и духу модернистских, выставок живописи в Курчатковском институте, в академическом просторечье Курчатнике, и стоило коснуться этого предмета, как раз-

горалась дискуссия, поскольку Женя – убеждённая сторонница реалистического направления в изобразительном искусстве. Каждая Майкина выставка – сенсация. С модернизмом бодались официальные власти брежневской эпохи. Шум на всю Москву: сбегались на устраиваемые Майей Александровной вернисажи тоскующие по свободе западники, диссиденты, любители острых ощущений. В клубе физиков к тому же демонстрировались не пропущенные в прокат зарубежные фильмы, регулярно проходили встречи с модными поэтами и «прозвучавшими», известными от Москвы до самых до окраин, артистами театра и кино.

Как-то Женя по семейным обстоятельствам покинула абхазские Агудзеры раньше всех. Разбирая её архив накануне 17 июля, я принялся читать толстую тетрадь в клеточку, в коленковом переплёте. Аккуратный, округлый женский почерк. Чистовик. Десять тетрадных страниц. Не отправленное по какой-то причине письмо Н. Н. Пономарёву-Степному в Агудзеры – она обещала ему сообщать о столичных новостях мира искусства.

«Здравствуйте, Николай Николаевич!

Звонка Вашего, сэр, я право не ждала. Что ж, приятная неожиданность – вдвойне приятна.

Вчера, возвращаясь из деревни, мерно покачиваясь в машине, любясь околдованным зимою лесом, его кружевной прозрачностью, захотелось написать письмо, и оно мысленно было составлено и отправлено, а вот сегодня что-то не получается так складно, как хотелось бы.

И всё же продолжу.

Москва осенняя всегда бывает наполнена встречами с приятелями, встречами с примечательными явлениями искусства (имеются в виду художественные выставки), премьерами в театрах. Осенью семьдесят пятого года их было много – таких дней. Это и интересный разговор с Михаилом Александровичем Ульяновым, который вернулся из Греции, из гастрольной поездки, и по возвращении предстал «великим грецким писателем»: сыграл в лицах несколько забавных историй, случившихся с вахтанговцами во время этой поездки. Вот одна из них.

«Богатые греки ради особого шика и куража в ресторане при нас били посуду и делали это с таким смаком, что заразили вахтанговских актрис, которые решили не отставать, благо были приглашены местным богачом, и с русским темпераментом били тарелки и фужеры, выставив благодетеля на десять тысяч долларов. Хохотали, вспоминая сей кураж, целую неделю».

При посредничестве М. А. просмотрели семейно весь репертуар Театра имени Вахтангова. (Необходим комментарий к этой Жениной фразе, чтобы понятно было всем и каждому: с какой это стати Михаил Александрович этак посредничал. Причина была веская – мы стали дружить, как говорится, семьями на почве замечательно складно сложившихся производственных отношений. Я был редактором его первой книги и название ей придумал – «Моя профессия». Работа автора и редактора проходила на дому – один день у нас на юго-западе, следующий – у автора на Бронной. Сроки поджимали. Успели. Выходу книги сопутствовал громкий успех. Но вернусь к письму Евгении Серафимовны.)

Совсем недавно видели в Малом театре «Горе от ума» с Виталием Соломиным в заглавной роли. Спектакль остросовременный, умный, прекрасно поставленный и отменно сыгранный корифеями русской сцены. Царёв в роли Фамусова великолепен. Приглашение на спектакль последовало от Михаила Ивановича и, по всей видимости, связано с выходом в свет его книги «Неповторимые мгновенья», название это предложил Царёву Юрий Александрович. В последнее время наша библиотека пополнилась многими замечательными книгами – среди них двухтомник Шукшина и мемуары Ульянова и Царёва с дарственными надписями редактору этих книг Ю. А. Бычкову.

Чтобы не прерывать потока хвастовства, хочу поведать о трёх спектаклях (необычных), которые видели в Театре на Таганке и в молодёжном театре-студии «Гайдар» в Текстильщиках. Первый – «Деревянные кони» по Фёдору Абрамову – писателю очень русскому по духу и художественному воспроизведению жизни послевоенной деревни.

В «Театре на Таганке» спектакль получился душевным, где-то даже яростным, насыщенным деревенским юмором, контрастами мещанства и подлинной российской чистоты. Некоторые сцены «хватали» не только за пятки, но и пронзали душу (особенно тех, кто расположен к душевности) своей обнажённостью, своей жизненной откровенностью.

Другой спектакль – «Товарищ, верь!» – на тему пушкинских стихов уж очень балаганный: в нём много «любимовщины» и трюкачества.

«Пять Пушкинских», от рыжего, крашеного Золотухина до московского интернационалиста, жалкого, сублильного, скверно заграммированного под Пушкина, раздражали, и только.

Хотелось другого. Хотелось послушаться, напитаться музыкой пушкинского стиха, наконец, очиститься от всего бытового, которого у нас в Москве хватает, как и во всякой там провинции. Получилось обратное. Грохот, пальба из пистолетов, декламирование стихов на раскачивающихся трапециях – всё вместе привело к натужному развлекательству, головной боли у тех, кого заманили на это представление.

«Блоха» Лескова в студии «Гайдар» – тоже не из числа обычных постановок. Музыкально-джазовая, с очень условной декорацией, с теми же качелями и удивительными по своей необычности костюмами из мешковины, с куклами-символами, изготовленными из старых предметов быта (кастрюли, вёдра, тазы, чугуны), отмеченными изошрённой выдумкой и вкусом, и сами молодые актёры студии играли «Блоху» с такой самоотдачей, так талантливо, что дух захватывало.

А вот «Жизель» в Большом с Надеждой Павловой поначалу прямо-таки разочаровала. Хотелось увидеть парящую над сценой прима-балерину. Но где лёгкость, полётность движений, возвышенность танца? Второй акт – и на сцене совсем другая балерина. Насторожённость, неудовлетворённость улетучились. Глаз от сцены оторвать невозможно. Не танец, а парение феи, с грацией лебедя, с лёгкостью бабочки. Под стать ей партнёр – Вячеслав Гордеев...

Если я возьмусь рассказывать о художниках, с которыми довелось встречаться этой осенью, и о выставках, у меня кончится бумага, да и конверта большого формата под рукой нет. Коли моё письмо, дорогой Николай Николаевич, покажется интересным и не отнимет у тебя государственное драгоценное время, то, может быть, последует продолжение».

...Кичащийся роскошными формами кресс-салат соседствовал с картошкой, моей по жизни любимицей. Чего греха таить (так всегда выражалась мама Татьяна Ивановна, и бабушка так говорила, стало быть, издавна повелось – не очень-то благозвучно «грех таить», куда певучей «греха таить»; поди с этим поспорь) картошка в России не второй, а первый хлеб. В общем, это та еда, без которой сыт не будешь. Благополучие семьи, сколько себя помню, зиждилось у нас, Бычковых, на полноте закрома с картошкой. Она, как ни один другой продукт, круглый год не сходит со стола. Первое без картофеля не сварить, и второе в большинстве случаев без картошки – не радует.

В моём, личном, поварском репертуаре жареная картошка – фирменное блюдо. Запомнил, с каких пор изошряюсь в приготовлении жареной картошки. Быть нашим гостем и не попробовать «Юркиной картошки» – вещь невозможная! Селёдке закусочной картошка да лучок непременно сопутствуют. И т. п. и т. д. Без картошки, одним словом, дом – сирота. Взять хотя бы и крошку, как без картошки получить плотность разнородной массы, связанность всех частей сытного хлеба?

Мамаше-колхознице от момента создания сельхозартели «Красный Октябрь» выделено было двадцать соток земли в личное пользование. В Подмосковье, как правило, весь участок шёл под картошку – весенняя посадка и осенняя уборка урожая крепко врезались в память, ибо несколько десятилетий кряду, из года в год повторялись с изменяющимся по мере роста семьи составом действующих лиц весенние и осенние картофельные кампании. Весёлое, радостное это зрелище – вся семья от мала до велика высыпала на поле сажать в прогретую майским солнцем землю отобранные с осени семенные клубни. А какая радость в теплынь бабьего лета

убирать картошку, причём с обязательной ребячьей забавой – костром, в котором печёные, обуглившиеся картофелины имеют необыкновенный вкус. Ну чистый сахар! Неизменно, многие годы, в страду – как правило, это были воскресные дни (Бог труды любит!) – на картофельном поле возвышалась внушительная фигура отца. В действии, в работе он мне более всего памятен именно таким: главой дружной, работающей семьи, исполином, богатырём, для которого вскинуть на плечо полный мешок картошки – сущий пустяк. В рабочей телогрейке, в кирзовых сапогах, увязающих в мягкой, вздыбленной плугом сухой сентябрьской земле, он был для нас, его детей, внуков, правнуков, живым примером ответственного отношения к житейским обязанностям. Ленился в его присутствии никто из представителей младшего поколения не смел, не мог такого себе позволить. Пример и незыблемый авторитет старшего – мощный моральный фактор. Живу в подобном убеждении и на судьбу не жалею. Ферулы – в первом значении этого строгого слова, то бишь линейки, которой бил нерадивых, провинившихся учеников школьный учитель в царское время, как и второго значения ферулы – строгое обращение, бдительный надзор, – и в помине не было, но оттенок легендарной ферульной суровости присутствовал на лице отца, когда он на румяной зорьке корил домашних за нерасторопность при сборах на покос. Именно это слово витало в воздухе, в сознании недостаточно расторопно собирающихся в столь ранний час «на сенокос» или пуще того «на заготовку сена для коровы-кормилицы».

В школьные годы, как отец сам признавался, он был озорником с признаками богохульства, за что преподаватель Закона Божьего, отец Николай, ставил его в угол на горох и даже применял на деле ферулу. В угол без гороха, коли заслужил, папашка ставил и меня, и других сменщиков. Безусловно, это имело смысл: в углу хорошо думалось о многих вещах, в том числе о смысле наказания. Не могу удержаться от соблазна рассказать о понятии «сменщик», о семантике этого слова и о том, какой смысл вкладывал в слово «сменщик» отец. Академический «Словарь русского языка» даёт следующее толкование: «Сменщик – тот, кто сменяет кого-либо на какой-то работе». Александр Иванович имел в виду, прежде всего, смену поколений и свою, личную, ответственность за качественный уровень этого процесса. Разумеется, это совершалось в масштабе семьи. Семья – ячейка общества: какие сменщики в семье, таков будет и нравственно-интеллектуальный уровень общества. Отец мыслил шире, чем истолковано слово «сменщик» в академическом словаре.

«Хлеб наш насущный даждь нам днесь» для него значило трудом, старанием добыть сей хлеб, а не глупое, пустое ожидание манны небесной. Трудолюбие – наиважнейший признак человеческой красоты. Более полувека Александр Иванович Бычков был лицом, обязанным проводить на предприятиях и в организациях, где работал в должности главного бухгалтера, государственную финансовую политику. Так сложилась моя жизнь, что не доводилось видеть его в образе стража государственных интересов, но тщательность, с какой с его участием и под его руководством наш семейный подряд выбирал из земли все до единого картофельные клубни, говорила о многом. Об аккуратности, в частности. Примечателен почерк Александра Ивановича: красивые, прочные, стройные буквы и цифры стоят, как бойцы в строю, помнящие своё предназначение, функцию.

...Ни картофельным полем, ни опытным участком не назовёшь клочок земли размером десять на десять метров, затеснённый со всех сторон заборами, кустами, дворовыми строениями. Картошку в этом году, предчувствуя жаркое лето, посадил 29 апреля в прогретую, а прежде напоенную талой водой (снег лежал в марте метровой толщины) и щедро политую ранними весенними дождями землю. Влаги, кажется, достаточно, в меру набрала земля-кормилица – наш криушкинский чернозём не липнул к лопате. Идеальные условия посадки картошки сулили ранний, добрый урожай.

С посадочным материалом затеял эксперимент. Впрочем, не велика, честно говоря, новость: шесть из двенадцати грядок-коротышек засадил разрезанными на две, а то и на три

части клубнями средней величины, разрезанными так, чтобы глазки разошлись по частям картофелины равномерно. Замахнулся на такое, испробовав на вкус привозную орловскую (чернозёмную) картошку. Её брали на суп и жарено прямо из кузова КАМАЗа, вставшего на прикол вблизи нашего дома на юго-западе.

Крупные, породистые клубни отличной, домашней, сохранности так и просились в родственную, чернозёмную, криушкинскую землю.

Кстати сказать, отчего не задаться вопросом: «Откуда на взгорье над Плещеевым озером взялся чернозём?» Ответ, оказывается, не глубоко зарыт. Тридцать – сорок сантиметров культурного слоя позволяют доискаться ответа. В Криушкине земледелие ведётся, как о том свидетельствуют археологические исследования, издревле. Хлебопашцы угро-финского племени меря трудились здесь ещё полторы тысячи лет тому назад. Славянско-русское население проникает в Залесскую землю в девятом столетии. Сюда по Мсте-Мологе-Волге хлынул поток переселенцев с северо-запада, из районов новгородских земель. Славяне попадали на озеро Клешино (Плещеево) двумя путями: из Ярославского Поволжья через озеро Неро и прямо с Верхней Волги по Нерли Волжской. Оба эти пути как раз сходились в том месте, где находился мерянский посёлок на Александровой горе, где и возникает, видимо, в конце девятого века древнерусский раннегородской центр, получивший в летописях название Клешин; он становится опорным пунктом освоения славянами всего Залесского края.

Земледелие в параллель со скотоводством за полторы тысячи лет и превратили глинозёмы и суглинки в плодородные чернозёмы. Конский да коровий навоз – драгоценное удобрение, в нём все мыслимые элементы питания почвы. Века трудничества земледельцев, язычников и православных, на криушкинском угоре сделали своё дело – обратили глину и суглинок в исключительной ценности плодородную землю.

В мае тепло, дожди – картошка на двадцатый день взошла, сильная, решительная. Божья благодать с небес погнала ботву ввысь, и картофель, никогда раньше такого не бывало, в мае зацвёл. Каждый уик-энд я спешил в Криушкино и тетёшкал радующие сердце картофельные грядки – окучивал, пропалывал, избавлял от объявившихся в первые жаркие дни колорадских жуков огрызок криушкинского чернозёма.

Высказался: «Огрызок!» Да, огрызок, но какой ценный! Последние годы картошкой с этого «огрызка» весь дачный период питается семья, приезжающие в гости родные и знакомые.

Пока официально через Троицкий сельсовет за нами не закрепили все тридцать соток усадьбы Ширшиковых, обходились землёй, непосредственно окружавшей дом с подворьем. Здесь и развели первоначально порядочный огород. На этом пространстве в своё время располагался с посевом огородных культур, включая капусту, которую солили и квасили на зиму бочками, рачительный хозяин, наш предшественник, Фёдор Ширшиков. Какой славный, трудолюбивый человек – мастер на все руки, талантливый плотник, выстроивший полдеревни. Хозяин. По сей день чувствуется его присутствие в рубленной руками большого мастера избе, просторном и ладно выстроенном заедино с домом хозяйственном дворе. Вечная память ему творениям рук его, а душе Фёдора Ширшикова в Божьих угодьях пусть будет радостно всегда!

В двадцать девятом его кобылу Зорьку (старший сын, Андрей Фёдорович, рассказывая мне историю семьи, упомянул кличку лошади) свели на колхозную конюшню. Подарок судьбы то, что Фёдор, пока лошадь была при нём, успел построить дом с двором для всех хозяйственных надобностей. Отменного качества крестьянская постройка! На причелине Фёдор Иванович выжег раскалённым кованым гвоздём: «1928 год». Изба и по северному обычаю под единой крышей с ней столь же добротен выстроенный двор со стойлами, хлевами и закутами для живности стоит, не покосившись, не шелохнувшись, восемьдесят с лишком лет. Знатная работа высококлассного плотника! В Криушкине произносят «мы плотники», с ударением на последнем слоге. Не ради шика это так делается, а как признак самостоятельности местного говора.

В последние годы, после того, как я под все углы дома подвёл кирпичные фундаментные столбы и прогнал по периметру дома и двора каменную ленточку, зять Владимир Николаевич Николенько, прирождённый инженер, кандидат технических наук, спец по компьютерным технологиям, спроектировал на вычислительной машине новое, просторное, светлое, отвечающее современным санитарно-гигиеническим нормам жилище, привязанное к фундаментам, о которых только что сказал, и к срубам классическому (шесть на шесть) избы. К избе Владимир Николаевич проявил подчёркнутое почтение: сруб, клеть (особое помещение для хранения вещей и продуктов) и сени сохранены в неприкосновенности как памятники русского деревянного зодчества, и притом каждое брёвнышко, каждая половица (округлый брус в полбревна) очищены от пыли и копоти времени и покрыты тонирующей мастикой. Что за строение в итоге сотворилось? Современный двухэтажный коттедж со встроенной в него первозданной конструкцией – избыным срубом.

Ясное дело, пребывать в созданной Фёдором Ширшиковым избе, не подвергнув её переосмыслению, мы не собирались. В первый день хозяйствования разобрали перегородку, выделавшую маленькую кухню при печи от остального пространства.

Досок, из коих сооружена была в своё время перегородка, чистых, отменно гладких, сухих, легких, прогонистых хватило на то, чтобы по всему периметру избы, исключая печной угол, устроить подпотолочные выставочные полки, торцы которых для важности я выкрасил киноварью. Яркий красный цвет «поджёт», несколько разогнал серый избыной сумрак, по которому экспозиторы, я и Женя, ударили всей красочной силой многочисленной игрушечной рати. За пятнадцать лет супружеской жизни в путешествиях по родной стране (так тогда выражались с ёрническим привкусом молодые интеллигенты) была собрана неплохая коллекция произведений народных мастеров. Они и стали первым вкладом в преобразование жилища Ширшиковых в дом Бычковых. (За последующие десятилетия подрастающие поколения – дети, внуки, племянники и их сверстники – не просто любовались, а жили в обнимку с этим игрушечным царством и перекалечили всё, что им было по силам сломать и расколотить: ноги, головы, хвосты сказочных, диковинных зверей и птиц приходилось склеивать, связывать, сшивать разными способами, но, думаю, что при близком общении с творениями художников-фантазёров эстетическое сознание, вкус, фантазия подрастающего поколения нашей фамилии возрастало, а мои дети и внуки в свою очередь передавали своим детям и внукам ответственную роль играющих с высококлассными образцами народного искусства. (Примером возврата долга, ответом добром на добро я считаю организованную и с блеском проведённую в Государственном музее «Царицыно» выставку «Дети нашего двора», в которой приняли участие известные московские скульпторы, живописцы и закопёрщиком которой стал мой сын Сергей Бычков, выросший в известного мастера скульптуры в числе других плодотворных влияний и благодаря общению с глиняной игрушкой.) Конечно, в домах коллекционеров из числа тех, кто не удосужился обзавестись детьми, игрушки музейного достоинства пребывают в благости, тишине и покое. Однако мы с супругой Евгенией Серафимовной не сожалели, не огорчались до слёз, оттого что дети и внуки практически превратили в глиняные руины подаренные мне в далёкие шестидесятые годы знаменитой каргопольской мастерицей Ульяной Бабиной двадцать работ. Не сомневаюсь в том, что Сергей Бычков, основательно постиг самобытную пластику Ульяны Бабиной.

Мой друг, загорский художник Иван Сандырев, побывав в апреле семьдесят пятого года в Криушкине, оставил на память о себе сложносочинённое монументальное произведение «Сусанна и старцы». Библейский сюжет – старцы, подглядывающие за уснувшей под сенью смоковницы юной красавицей Сусанной, – композиционно был решён Сандыревым оригинально, изобретательно. Сусанна контуром с изящной моделировкой форм лица и тела была написана на белёной печи, в один приём, ала прима. Так пишут фрески – композиции по сырой штукатурке. Нечто подобное представлял собой боковой фасад русской печи, накануне

выкрашенный белой-пребелой извѣсткой. Запечатлѣнная лаконично, одной непрерывающейся линией, роскошная, совершенная фигура молодой женщины пленяла, восхищала, очаровывала. Старцы, по воле художника, попали в раму однополотенной входной двери, что возбуждало зрительскую фантазию. Открывающаяся и закрывающаяся то и дело дверь рождала эффект суетливой озабоченности старцев. Они, их изображения в раме двери, снуют туда-сюда в стремлении охватить лукавым подглядыванием всю фигуру прелестницы, полюбоваться ею в разных ракурсах.

Сусанну и старцев Иван Тарасович писал в солнечный апрельский день. Мы с Евгенией, пока он работал, выставили зимние рамы, и я распахнул створки смотрящего в сад окна. Подобно тому, как густой, радостной толпой, теснясь, подпихивая друг друга, вваливаются в дом долгожданные, приехавшие издалека, желанные гости, так в избу из сада хлынул вольный, напористый воздух, согретый весенним солнышком, настоянный на ароматах начавших раскрываться духовитых листьев смородины, черёмухи, вымахавшей из земли пряной крапивы, источающей травяной дух сныти, изливающих снеговую свежесть первоцветов, толпящихся в середине апреля на крохотных полянках прореженного вишенья и старых яблонь. Крепко запомнился мне Ваня Сандырев, сидящий в избе у открытого окна, вдумчивый и просветлѣнный.

В мастерской Сандырева довелось мне познакомиться с лидером и одним из основателей школы владимирских живописцев Кимом Бритовым. Открытый, звучный, сильный в тональном отношении цвет. Краски не смешиваются, а кладутся рельефными мазками – так достигается особая пластическая выразительность. Так, подобно нотам в музыке, строятся цветовые созвучия. На холсте или картоне зритель, разглядывая работу живописца, видит, что сохраняется форма мазка, которую придаёт ему кисть или мастихин. Мощный, рельефный красочный слой обеспечивает цветовую интенсивность, эмоциональную напряжѣнность картине. Ким Николаевич так же картинно, запоминаясь рассказывает о себе.

– Я коренной житель владимирской земли, – с гордостью произносил он. – Детство моѣ прошло в Коврове. Пейзаж как основное направление в творчестве появился не случайно. В детстве проводил целые дни в пойме, где кристально чистая и глубоководная в то время река Уводь вливалась свои воды в Клязьму. Ночные рыбалки, дубовая роща, на берегу реки, большой остров напротив текстильной фабрики, полный щебета птиц, – тогда я испытал удивительное чувство слияния с природой.

– А древние города с могучими крепостными стенами, толпы народа на площадях...

– И это тоже издалека идѣт, из времѣн ранних лет моей жизни... Например, когда жили в Коврове, врезались в память торжища на четырёх – пяти площадях, необстроенных, больше похожих на пустыри. Я, мальчик, жадно наблюдал базарную толкотню, эту невероятную пестроту, которая непрерывно менялась, смешивалась, двигалась. В конце тридцатых наша семья переехала во Владимир. Цвет владимирской вишни, владимирский пейзаж со своими архитектурными памятниками, имеющими всемирное признание, влияли на моѣ сознание, да ещё как! Есть художники, которые работают сразу во многих жанрах, не задумываясь над тем, что же для них главное. Я – пейзажист, пейзажист по призванию.

Как-то Бритов вместе с товарищем по творческим поездкам Володей Гольцеым воспользовались моим гостеприимством в мартовскую пору, когда наблюдается цветение снегов, писали по целым дням начало весны, а в вечернее время к их услугам – деревенская баня. В знак благодарности, на память они расписали створки дверей привезѣнного из Москвы старого буфета. Приятели принялись за работу поутру, и не прошло трёх часов, как раз к обеду с водкой, щами из той самой, с Сусанной, русской печи, с рассыпчатой картошкой и неподражаемыми огурчиками из дубовой бочки, что пребывала в подполе, два шедевра были сданы заказчику с рук на руки. Написанный по памяти Кимом давным-давно освоенный сюжет – оживлѣнное, залитое солнцем, бурлящее торжище на фоне красных стен города-монастыря –

много добавил красочного огня, вконец разогнав серый сумрак интерьера избы Аграфены и Фёдора Ширшиковых.

– Я, отображая старину, – принялся разъяснять Ким Николаевич, – стараюсь вымётывать на холст то, что живёт во мне, а не просто зарисовывать сейчас увиденное.

Володя Гольцев темой взял особый, располагающий к душевным излияниям уют вечернего деревенского чаепития. «Наша ветхая лачужка и печальна и темна, что же ты, моя старушка, приумолкла у окна», – зазвучал во мне романс на пушкинские стихи, когда разглядывал Володин живописный дар. На картине Гольцева за столом у самовара я и Евгения Серафимовна, преображённые в «старика» и «старуху». Вдаль глядел художник! «Лампочку Ильича», голый стеклянный баллончик, вскоре заезжий дизайнер «упрятал» в деревянно-стеклянную люстру ручной работы.

Немного времени прошло с начала обживания на наш манер дома Ширшиковых в Криушкине, как преображение ускоренным темпом пошло к своему завершению. Оставалось бельмом в глазу возвышающееся рядом со входом в избяной простор современное мебельное диво – одностворчатый платяной шкаф, высокий, узкий, белый-белый. Его безукоризненная, незапятнанная белизна воспринималась как вызов цветному, живописному миру, овладевшему всем пространством русской избы с тёсаными, гладкими золотисто-коричневыми стенами, пленявшими всех без исключения благородным тоном.

Однажды, явившись на уик-энд из Москвы в Криушкино, мы с изумлением не признали за свою вещь тот самый, белый-белый, как пословицная белая ворона, предмет мебели. Платяной шкаф превратился в расписанную сверху донизу, по фасаду и с боков, драгоценную шкатулку очень большого размера. А каковы сюжеты росписей! В парадной колеснице восседают ОН и ОНА в богатых купеческих нарядах и с блаженством на молодых лицах. Так выглядела разделанная под городецкую роспись дверца шкафа. Праздничную композицию венчала стилизованная под девятнадцатый век надпись: «Слава Бычковым!» На боковых стенках, распластав радужные крылья, парили жар-птицы. Что за чудеса? Каким образом произошло преображение «белой вороны»? На столе, под божницей, лежало письмо, в котором Валентин Никольский сообщал: «Это я в отсутствие хозяев испортил аккуратненький беленький шкаф».

В пору расцвета наших с ним дружеских отношений написано стихотворение «Се человек», которое не считаю зазорным привести здесь в доказательство того, что меня Никольский и его домашние пленили, утопили в своём чистосердечии; как к степени их доброты приблизиться, не знал и вот разразился стихами:

Глава семьи – Никольский Валька.
В среде художников – почтенный Валентин.
От всей души, друзья, давайте-ка
Его труды и дни почтим.
Прикован, словно Прометей, к скале,
Он навсегда к коляске инвалидной.
Мать да сестра – в оконце свет
В сей юдоли печальной и незавидной.
Дом для всех открыт, без изъятья —
Заблудшим, жаждущим беседы.
Сюда я приводил приятелей,
Здесь знал триумфы и победы.
Таланты открывая зряшные,
Они любовью их дарили.
Дела надрывные, сердешные
Мы на их головы валили.

Ему пристало бескорыстие.
Как мало их, кто любит сырых больше, чем себя.
Он православным был воистину —
Христа, как истину, всем сердцем возлюбя.
И не с брюзжаньем, а с заботой,
Любой большой вопрос страны
В семье Никольского обсудят:
«Что наверху там скажет кто-то!
Мы сами голоса не лишены».

Знакомство моё с Валентином Михайловичем Никольским, художником-графиком, удивительной доброты, душевной щедрости человеком произошло в начале шестидесятых. В сознании моём этого человека – по всем данным, сверхпочтенную личность – держу с игривым благоутробием за Вальку Никольского, как его величал Володя Великанов, который нас познакомил. Но всё по порядку...

Третья книга трёхчастной саги «Предназначение», как бы автор ни вольничал, перескакивая порою с одной эпохи в другую, подобно юным храбрцам в половодье, во время ледохода, прыгающим со льдины на льдину, общий поток времени в повествовании имеет место быть. Вполне осязаема в первой части («Сказать да не солгать») эпоха тридцатых – сороковых годов, и отчётливо, рельефно проступают контуры эпохи пятидесятых в книге «На дороге стоит – дороги спрашивает». Автор намерен, как в его жизни и в жизни страны происходило, в третьей книге «Бог – что захочет, человек – что сможет» по возможности последовательно, как течёт река времени, рассуждать, вспоминать, рисовать картины характерного проявления черт эпохи политических старцев, а затем и эпохи исторического перелома восьмидесятых – девяностых годов. Намерен использовать все, доступные мне, формы литературы, способы писательства. Профессионалом стал я, по моей прикидке, в начале шестидесятых, когда пришёл в газету «Советский спорт» на штатную работу в качестве литсотрудника, где моим наставником на первых порах оказался Володя Великанов.

Володя Великанов... Фамилия не редко посмеивается над носителем вензеля (В. В. в данном случае) в родовом гербе. Ростом он в великаны не вышел, но и – «коротышка, метр, с кепкой» – это не про него. Тихо, приглушённо, как бы под сурдинку, скажу: «Мужчина ниже среднего роста». У него, в самом деле, всё ниже среднего роста. Всё написанное им не оставило следа, потому что сиюминутное, неприметное, так, кое-что, о промелькнувшем и не запомнившемся. Одежда на нём как бы подрубленная, снизу и сверху. И это, на удивленье, шло к нему. Он носил тупоносые ботинки, и оттого казалось, будто они с обрубленными носами – нарочно, для смеху, с обрубленными носами. Соответственно, и брюки коротенькие и зауженные. Кургузый пиджачок. Так и хотелось бесстыдно сострить: «недомерок Великанов». Но острота – не, ах, какая – всякий раз застревала в горле.

– Старик, – чуть-чуть картавя, обратился он ко мне, не поднимаясь из-за стола, не прекращая своего вечного занятия – прочистки растянутой в металлический стерженец канцелярской скрепки, служившей чем-то вроде банника, коим пушкари после боя чистили укороченные медные стволы мортир; Великанов извлекал с помощью этого стерженька из коротышки-мундштука нагар, густую тёмно-коричневую массу, ядовитую смолу – табачный сок. Прочистив канал, по которому в его лёгкие посредством затяжки втягивался вонючий густой дым, он втискивал в мундштучок коротышку-сигаретку сорта «Новые» и укороченными фразами озадачивал меня:

– Шеф, уходя по делам, тебе приказать изволил взять интервью у композитора Аркадия Островского. Повод – «Футбольная песенка», им написанная.

– Знаю, помню... «На лучистом, чистом-чистом небосводе...»

– Заткнись, – прервал он моё пение. – Хорошо, что помнишь. О чём с композитором говорить, ты знаешь лучше меня. . .

– Скажи, Володя, он, как все знаменитые музыканты, живёт в доме Шульберга на Неждановой?

Ресторан в полуподвале дома, в котором жили именитые композиторы, в обиходе журналистов-газетчиков по памятной всем реплике Бывалова, персонажа кинофильма «Волга-Волга», прослыл, как «подвал в доме Шульберга».

– Ага, – не отвлекаясь от основного в жизни занятия, курения, промышчал Великанов. Он вновь сладострастно затянулся, пыхнул в мою сторону дымом и благожелательно улыбнулся пухлыми губами, прокуренными зубами, прищуренными глазами.

– Покури на дорожку.

Тогда все курили, не разбирая, в общем, где, когда, в каких обстоятельствах совершается это самое курение. В помещениях дым стоял коромыслом, ходил волнами, тянулся в постоянно открытые окна и форточки.

(По крайней мере лет двадцать продолжалось массовое, массированное курение в офисах. Помню себя в роли и образе главного редактора издательства «Искусство». 1984 год. В моем обширном кабинете верстается, детально обсуждается годовой план. Все в офисе курят. Мужчины и женщины. Решив раз и навсегда оставить в прошлом эту вредную для себя и окружающих привычку принимаю административные меры. Сотрудники изо всех сил сопротивляются. Я враг нации курильщиков. Вот уже четверть века не курю и дивлюсь на тех, кто остается рабом этой отвратительной, губительной привычки. У меня на глазах один за другим, сжигая, отравляя себя табачным дымом, очень рано уходили на тот свет мои коллеги, товарищи по работе, друзья. Моё «ученичество», моё общение с Володей Великановым оказалось весьма недолгим – укороченное дыхание, физическая немощь и трагический финал.)

Великанов, прокашлявшись, сообщил мне, неофиту, то есть новичку в газетном производстве:

– Да, чуть не забыл тебе сказать. Иткинд просил нас зайти к нему переговорить насчёт преддипломной практики студентов журфака МГУ.

Час от часу не легче! Мне, месяц всего проработавшему в «Советском спорте», рискнувшему поступить в популярную массовую газету, не имея журналистского образования, ответственный секретарь Иткинд желает, видите ли, поручить обучение дипломников МГУ. Хочет вывести на чистую воду Василь Палыча Палёнова, взявшего в отдел общественно-политической жизни «человека с улицы»? Улица ещё та, Сущёвская – редакционно-издательский комбинат «Молодая гвардия». Андрей Давидянц, в молодости блестящее перо «Комсомолки», а в мою пору заведующий отделом очерка и публицистики журнала «Молодая гвардия», где я публиковался не единожды, на просьбу устроить меня, инженера, толкущегося со своими писаниями в молодёжных журналах, куда-нибудь, где хлеб насущный добывают пером и службой в профессиональной газете, предложил не выбор корреспондентские должности в «Сельской жизни», «Советской России» и место литсотрудника в отделе Василия Павловича Палёнова в «Совспорте». Согласился я на последнее – здесь открывалась возможность писать на темы: спорт и искусство, спорт и литература, где у меня уже были кое-какие наработки.

Мы с Великановым, заместителем Палёнова, предстали пред очи всегда жутко занятого ответственного секретаря газеты. Возле стола Иткинда, заваленного корректурами и материалами из машбюро с пометками «В номер» стояли, переминаясь, три добрых молодца.

– Знакомьтесь. Вам, Юрий Александрович, предстоит направлять их работу над дипломными заданиями. Срок представления продукции – три месяца.

За три месяца (хитрый Иткинд о масштабах моего опыта газетчика не сообщил дипломникам) у ребят не было повода усомниться в компетентности наставника – Иткинду не на что было пенять Палёнову, а мне краснеть.

... Бог – что захочет, человек – что сможет. В справедливости пословицы визит к Аркадию Островскому позволил лишний раз мне убедиться.

– Проходите в кабинет, – жестом указала, куда идти, жена композитора.

Дверь приоткрыта. Мне в первые секунды почудилось, что находящиеся в кабинете прослушивают магнитофонную запись.

А у нас во дворе
Всё пластинка поёт
И вечерней порой
Мне заснуть не даёт.

Ровно, как по струнке, сильно, стабильно, с соблюдением всех нюансов росписи композитором вокальной партии звучал красивый бархатный баритон. И песня, как будто, знакомая. Я вошел в кабинет – большую комнату, в которой находились двое: сидевший за роялем композитор и стоявший в концертной позе молодой человек с пышной шевелюрой, певец. Островский показал на свободный стул, приглашая присесть, и продолжил расставлять акценты в новой своей песне «А у нас во дворе».

Идеально, без сучка и задоринки, вёл вокальную партию молодой человек, стоявший в артистической позе у рояля. Лёгкий, летящий ввысь голос. Уверенность, покоряющая завершенность внешнего облика. Строгий костюм. В облике артиста, индивидуальности, характерности сценического образа, отчетливо проявляющейся ранней человеческой самостоятельности, высокой вокальной культуре и внешней, казовой, демонстрации чувства собственного достоинства – всего в достатке, и всё говорило о сильной воле, стойкости, упорстве в достижении поставленных целей. Разумеется, при разительной, бросающейся в глаза завершенности, феноменальности этого редкостного явления – студент четвёртого курса Гнесинки, уже стопроцентно готовый к успехам, свершениям, яркий эстрадный вокалист. Но в его образцовости, эталонности проглядывала перспектива соскользнуть к стереотипности. «Далеко пойдёт за счёт своей образцовости, трудолюбия, отзывчивости на запросы времени, однако, собственных красок, небывалости, когда по одной пропетой фразе угадываешь: Лемешев, Утёсов, Шаляпин, Каллас, Бернес, Шульженко, Пугачёва. «Где-то находим, а где-то теряем», – заключил я, впервые увидев и, главное, услышав Иосифа Кобзона. Чего мне недоставало в его вокализме, так это задушевности, обаяния, неповторимого шарма. Конечно, пение Иосифа Кобзона не дистиллированная вода, в нём изобилуют оттенки сердечности, однако превалирует брутальность, которую певец не желает принять за индивидуальность его как вокалиста. А тем не менее характерных красок, обертонов недостаёт, звучание голоса разочаровывает со стороны духовной.

Молодой вокалист, уходя, спросил Аркадия Ильича:

– В котором часу завтра запись на радио?

– В двенадцать.

Прощаясь, певец поклонился и мне.

– Студент выпускного курса Гнесинского института. Хороший профессионал. Талант. Большой талант, – пояснил Аркадий Ильич, ласково глядя в сторону двери, которую только что закрыл за собой Кобзон.

Видю на экране ТВ внешне очень мало изменившегося Кобзона, вспоминаю шапку его роскошных кудрей и ностальгически произношу есенинские строки:

Ах, ты, молодость, буйная молодость,
Золотая сорви-голова.

Когда год – два тому назад в продолжавшемся весь вечер, огромном сольном концерте Иосиф Кобзон исполнял подряд и вразбивку свой необозримый репертуар – патриотические и лирические, русские народные и еврейские одесские песни, романсы и популярные танго, шлягеры, сегодняшние и позабытые, – уверенно, непобедимо, не покидая эстрады битых три часа, это невольно вгоняло в задумчивость: «Вот как встал, будто врос в пол возле рояля композитора Аркадия Островского пятьдесят лет тому назад, так и стоит, и поёт ровным, сильным, бархатным баритоном. Поёт всё подряд. Готовность петь всё на свете, что ли?»

Исполняемое им не даёт возможности что-то выделить и сказать убеждённо: «Это песня Кобзона», как с уверенностью произносим: «Репертуар Вертинского, песни Магомаева, Владимира Бунчиков, Вадима Козина».

Как Кобзона на всё хватает? Разве что виноват феномен всеядности – талантливейший Иосиф Давидович? Он интерпретатор музыки огромного временного диапазона? Возможно, это ценное качество...

Только я появился в редакции, Великанов, пришедший с летучки, которую проводил главный редактор Новоскольцев, ни с того ни с сего, объявил:

– После работы едем к Вальке Никольскому. Нас ждут. Я рассказал о тебе кое-что.

– Что именно?

– Бычков выпить не дурак. Охотно и умело поддерживает компанию. Пишет стихи. Трешпач первоклассный. Так что, едем. Готовься!

– Как прикажешь готовиться?

– Морально, – Великанов ёрнически хихикнул. – Прихватим бутылочку трёхзвездочного армянского, чтобы не чувствовать себя неловко при знакомстве, и айда на проспект Мира.

– Одеться бы надо попарадней...

– Ничего, и так сойдёт... По примеру Пушкина ты читал, конечно, Апулея, а Цицирона не читал?

– Он, что, оракул, провидец, человековед – этот твой Валька Никольский?

– Оставь иронию, Юрка. Ты не отойдешь, не отлипнешь от него.

Ко многому в жизни равнодушный, Великанов, видать, на Вальку Никольского, как теперь говорят, запал всерьёз и надолго.

– А вот на что указывает Апулей в своей бессмертной «Апологии»: «Тьма неизвестности заслоняет тебя от всякого, кто мог бы подвергнуть тебя оценке». В доме Никольского ты, следуя логике Апулея, окажешься в ярко освещенном месте, и у Валентина Михайловича будет возможность рассматривать тебя из темноты, по его доброте и ради твоей защиты.

– Апология – защита, но разве я нуждаюсь в защите неведомого мне пока что Никольского?

– Как сказать... Поговоришь с ним – поймёшь.

В прихожей нас встретили мать, сестра Никольского и радостный собачий лай. Все трое бросились обнюхивать, обнимать, целовать явившихся в гости. Великанова целовали как старого друга дома и меня заодно. Наталья Васильевна довольно бодрая старуха, тугая на ухо, безгранично гостеприимная, со светящимися радостью глазами, умиленно разглядывая меня, норовила погладить по плечу и пожать руку. Распоряжалась сестра Никольского Шура – хозяйка в доме. Роль эту, судьбою ей назначенную, безмужняя, при годах, когда надежда на личное счастье, если не погасла полностью, то брезжит еле-еле, она вела с охотой, даже порою с воодушевлением. Редко она предавалась унынию, как я заметил. У неё был золотой характер. Только мы вошли, посыпались Шурины молодецкие (именно так!) шуточки, разудалые комплименты, отпускаемые старому другу дома Володе Великанову и новобранцу Юрию – на глазах творился зачин добродушного русского кумовства. (Впоследствии Валентин Михайлович стал крёстным отцом моего сына Сергея, так что всё происходившее в прихожей, густо завешанной живописью и графикой, относилось не только к настоящему, но и к будущему.) Великанов,

сняв пальто и кепку, принаравливался достать из пачки сигаретку-коротышку, в другой руке наготове держал спички. Хозяин из большой комнаты-гостиной нетерпеливо подал голос:

– Друзья, что вы так долго возитесь? Заждался я. Шура, ты заласкала Юрия Александровича.

Разумеется, загодя Великанов много чего нашептал (любил мой коллега такой способ общения) при сеансе курения, когда они оба, Великанов и Никольский, всласть дымили, Великанов вонючими, крепкими «Новыми», а Никольский ароматным импортным «Кэмелом». Соответственно, в редакционной курилке Великанов просветил меня насчёт Никольского, доложил про его безножие. Охать, умиляться, удивляться при личном знакомстве с Валентином Михайловичем мне не пришлось.

Он сидел в дальнем конце большой комнаты, служившей приёмной и гостиной, у края большого стола. С правого бока к его креслу-трону примыкал столик с радиоприёмником, телефонным аппаратом, магнитофоном, блокнотом для записей и молниеносных зарисовок и некоторых других деталей антуража. Из-за спинки кресла выглядывал гриф гитары. Вся эта характерная для начала шестидесятых аппаратура, весь колоритный вещный мир перестал для меня существовать, как только я обратил взгляд на самого Валентина Михайловича.

Никольский улыбался, весь обратившись ко мне. Лицо его выражало полную, чистосердечную, искреннюю благожелательность. Он таким образом извинялся за то, что нет у него возможности устремиться тебе навстречу – встать, идти к дверям с распростёртыми объятьями. Глядя на его могучие руки и плечи, я представил, какие это были бы роскошные, сильные, мужские объятья. В детстве полиомиелит привёл к поражению ног – лишил мальчика возможности ходить, бегать, скакать, плясать, танцевать, играть в подвижные игры, но не лишил его всех перечисленных желаний и потребностей, и он удовлетворял их с помощью могучего воображения. Бессилие скованных недугом ног компенсировала воля, необыкновенно развитые, на всё способные руки, могучий плечевой пояс, сильный торс. Немного раскрепостишь фантазию и с лёгкостью представляешь его руки крыльями. И чудились мне в нём повадки, гордость орла. Было нечто орлиное, величественно-птичье в его внешности, прежде всего в орлином профиле.

Передние части головы у него решительно выдвинуты вперёд относительно затылка, и от этого лик Никольского обрёл птичьи очертания. Нос с горбинкой, глубоко сидящие весёлые голубые глаза, широкий растянутый рот, настроенный на протяжную улыбку и, вообще, владеющий богатейшей мимикой. Вкусные, даже на вид, губы. Черты лица Валентина Никольского ужасно далеки от правильных округлых, гармонических форм, но при этом они были по-своему, что называется, на загляденье. Живость его лица, подвижность, способность быть одухотворённым приёмником чувств, мыслей, интереса к собеседнику всех, кто оказался в застолье, брали в плен сразу же. Ему не надо было настраиваться на беседу именно с вами, допустим, угрюмым, чем-то крайне расстроенным, эгоистичным в желании лелеять и дальше это для других тягостное, неприятное чувство. Он изжил эгоизм полностью, как ни трудно в это поверить. Инвалид, лишённый возможности передвижения, никогда не думает прежде о себе, а уж затем, о тех, кто рядом, кто обращается к нему с вопросами, предложениями, просьбами.

Идя по паркету весьма respectable, просторной комнаты от двери, что в левом углу, в дальний правый угол, и, надо признаться, в достаточной мере в отвлечённых рассуждениях постигший человека, который желает видеть тебя рядом с собой, возможно, лишь на время вечерней ознакомительной беседы, – а возжелает ли он быть со мной вместе на даче, в дальней поездке?

Вот я и оказался в ярко освещённом месте, а другой наблюдает за мной из темноты. В самом деле, так оно и есть: он легко замечает из своих «потёмок» то, что я собой представляю во всей открытости своего ничтожества, интерпретирую я Апулея, которого с наслаждением читал Пушкин.

Стоп. Он протягивает мне свою могучую длань и улыбается. Пожал крепко руку, не удержался и, потянувшись ко мне своим птичьим лицом, «клюнул» в щёку. Установилось полное доверие, основанное, полагаю, на интуиции. Он указал на стул рядом с собой. Долгий осенний вечер мы были вместе. Говорили о многом в унисон. Никольский пригласил побывать у него в мастерской.

Один за другим, поодиночке и парами, в согласии и в разнобой, появлялись приглашённые на вечеринку. Некоторых его друзей-художников я знал. Впервые увидел, что называется, вблизи знаменитого живописца Ивана Сорокина; его величали неспроста «первая кисточка МОСХа» – Московского союза художников то есть. В тот вечер возникла между нами приязнь. Впоследствии я написал две монографии об Иване Васильевиче Соркине – стал его биографом. Иван был соседом Никольских по дому. Он для Вальки Никольского, как родной.

Можно было понять их выбор; приглашались на огонёк люди интересные гостеприимным Никольским.

Помнится, тогда, в начале шестидесятых, гостеприимство было повсеместным. Исповедовалась максима: чем богаты, тем и рады.

Никольскому не по силам выезжать из дому, посещать дружеские компании. Он вынужденный домосед. Жажда дружеского общения столь велика, что на укрепление хлебосольного стола бросаются все резервы. Хозяину домашние не перечат. Хозяин неустанно исполняет заказы, добываемые где придётся, не без сочувственного посредничества многочисленных друзей. Существенной поддержкой в те годы для художников, тяготеющих к разным жанрам, были госзаказы по ленинской тематике. «Ильич – наш кормилец и поилец», – привычно шутил Никольский, показывая линогравюры, офорты, акварели с Лениным в качестве центрального персонажа. Для обеспечения щедрого русского гостеприимства трудились все его домашние и зарплату, пенсии, приработки шли в общий котёл. И он, Валентин Михайлович, был прав, являясь перед многочисленными друзьями, поклонниками, любителями халявных выпивок и закусонов щедрым, широким, благополучным, счастливым. Такого рода самоутверждению позавидовать можно, гордиться этим следует. Не жалость и сочувствие – а гордость победителя тяжких обстоятельств, недуга, убогости царило в этом доме.

Домашние – ласковая, тёплая мамаша Наталья Васильевна, шумная, суматошная, громогласная, добрейшая сестра Шура, мягкая, интеллигентная, внимательная к людям жена Лида – без устали трудились уже с утра, готовя вечерний приём. Они же, своевременно накрыв стол, встречали гостей. Каждый подходил к хозяину, а у того наготове подарочек с присловьем, либо доброе слово. Приглашительные билеты, лично им изготовленные, праздничное оформление квартиры, весёлая, юмористическая и сатирическая одновременно, газета, в которой никто из ожидаемых дорогих гостей не обойдён вниманием. Ещё не дождалась всех званных, а пошли звенеть хрустальные бокалы, звучать веселящие сердце тосты. Хозяин зацепил своей всемогущей дланью за гриф стоящей у него за спиной гитары и, устроившись в своём специальном кресле, настраивая собравшихся на музыкальную волну, перебирает лады, серебряными чеканными аккордами интригуяюще вводит нас в мир испанской гитарной классики. Аккорды фламенко заводят публику. Он, желая сделать меня на сто процентов своим, просит запеть что-то, всем близкое, порадовать вокалом компанию. Он всячески стимулирует мою не до конца созревшую решимость. Рюмка коньяку, лично им мне налитая, помогла достичь желанного эффекта. Взыграло ретивое. Особое внимание Валентина Михайловича раскрепостило меня, привело в то состояние «когда душа поёт и просится сердце в полёт». Подъём сил, восторг, вдохновение, кураж... Никольский, почувствовав это моё состояние возникшего нетерпения, стал наигрывать нюансы сложного, безумно красивого аккомпанемента и будто невзначай, достаточно громко объявил: «Я встретил вас» – романс на стихи Тютчева.

От большого волнения никак не могу связать «хотение» с высотой строя гитарной интродукции, изумительного по красоте вступления. Валентин Михайлович, великолепно чувствуя

моё состояние, продолжает наигрывать то красивые пассажи аккомпанемента (он фанат шести-струнной гитары), то возвращается к медлительной интродукции, полагая, что, если Бычков не решится, найдётся среди гостей смелый, кто запоёт заманчивый, влекущий к себе, благородный романс.

Меня с давних пор увлекал этот музыкально-поэтический шедевр. В домашней среде распевал не без удовольствия и, как мне казалось, достаточно прилично. Пел без аккомпанемента, с голоса Ивана Семёновича Козловского, разумеется, находясь тонально в пределах своих возможностей. Подчиняясь аккомпанементу Никольского, в состоянии куража, прихожу к решению: «Я встретил вас» – мой шанс «прозвучать».

Я встретил вас, и всё былое
В отжившем сердце ожило.

Естественное волнение, нахлынувшее внезапно вдохновение с первой ноты ля вывели дерзкого, самонадеянного вокалиста на высокую теноровую тональность. Сидящим за столом она оказалась недоступной, и романс, по статусу предназначенный для сольного исполнения, так и прозвучал, поразив всех неожиданным появлением в застолье Никольского неведомо каким ветром сюда занесённого певца с таким высоким голосом. То ли тенор, то ли баритон? Возможно, кто-нибудь из числа музыкально образованных гостей про себя ухмыльнулся, вспомнив к случаю остроумную реплику Сорина из «Чайки» Чехова:

– У вас, ваше превосходительство, голос сильный, но... противный.

Однако во внешнем выражении вышло что-то близкое к триумфу, в домашнем масштабе, естественно. Публика шумно восхищалась. Отныне при каждом моём появлении в доме Никольских требовали: «Я встретил вас». Набив оскомину, на четвёртый или пятый раз я сбился и, замахав руками, смолк. Спасибо, застолье тогда выручило – хором допело романс под гитару Валентина Михайловича. Недаром любительство и профессионализм противостоят друг другу.

Мне многое сходило с рук в их доме, благо не была стаффажной фигурой на вечерах у Никольских моя супруга Евгения Серафимовна. Под шестиструнную Валентина она задорно танцевала цыганочку с затейливыми выходами, с эффектами, явленными с помощью радужного павловского платка, подаренного ей Маргаритой Ивановной Конёнковой. Искусная танцовщица, в юности отплясывавшая в профессиональном хореографическом ансамбле, Женя производила на собиравшуюся у Никольских публику чарующее впечатление.

Когда выбрался к Валентину Михайловичу в мастерскую, наговорились всласть. Никто не вмешивался в нашу беседу, не задавал ненужных вопросов, не перебивал. Меня приятно волновали близостью сюжетов, положений, душевностью русской, славной параллельностью его знакомство и дружба с Михаилом Михайловичем Пришвиным и мои добрые, почти семейные отношения с Сергеем Тимофеевичем Конёнковым. Рассказал ему о своём чисто журналистском выходе на знаменитого скульптора и поразился жизненности, поэтичности того, как они, Михал Михалыч и Валентин, нашли друг друга.

– Майским утром 1950 года... Боже, как давно это было! – умилился быстротекущему времени Валентин. – Так вот... Я в лесу под Звенигородом писал цветущую черёмуху. На эту лесную поляну приехал из деревни Сальково на инвалидной моторной коляске-«драндулете» вместе с преданнейшим другом моим дворнягой Джеком. Джек до страсти любил кататься и всегда ездил со мной на этюды, гордо сидя в драндулете, нагруженном холстами, этюдником, зонтом и прочим. Ну, там кисти, краски, чай в термосе, перекус для меня и Джека.

– Представляю – картина, достойная кисти Айвазовского!

– Джек в драндулете сидел не для декорации. Он был обучен из любого места по команде возвращаться с запиской в ошейнике в деревню – это была наша связь. В случае поломки драндулета или со здоровьем неполадки какие.

– Случалось вкладывать записку в ошейник?

– Случалось Джеку за его долгую службу меня выручать и не раз. А тогда... Устроился, прилачился к этюднику, вдыхаю аромат черёмухи, пишу... Невдалеке за деревьями послышался рокот приближающегося автомобиля. Хлопнула дверь и на поляну вышел грузный пожилой человек в очках и широкой серой блузе. Остановился. Внимательно оглядел лежащую собаку, меня, начатый этюд на мольберте. Я продолжал делать вид, что пишу, хотя, должен признаться, вид стоящего за спиной зрителя тогда ещё действовал на меня парализующе: глубоко страдал, всё во мне сжималось и каменело, я стыдился всего в себе – и неходящих ног, и всей своей внешности, несовершенства моей живописи и даже того, что сижу на инвалидном транспорте. Боковым зрением видел, что старик не собирается уходить, а, наоборот, палку свою превратил в подобие сиденья, воткнув в землю, присел на неё, широко расставив ноги для упора.

– Я не помешаю тут вам?

– Нисколько, – сказал я с кислым выражением на лице: уже помешал, да ещё как.

Дальше – больше. Незнакомец вытащил из кармана небольшой блокнот и стал что-то рисовать или, может быть, писать в нём, и тогда можно было поподробней рассмотреть его. На нём берет, сочинённый из обычной кепки с отрезанным козырьком. Из под берета плотными кольцами выбивались пряди серебряных волос, а лицо – необычное сочетание черт утонченной интеллигентности с чем-то очень народным, даже древним, идущим от скифского, что ли, вождя или от сказочного волшебника Берендея, фольклорное, русское, родное.

Незнакомец убрал блокнот, встал со стула-палки и просто сказал:

– Здравствуйте, давайте знакомиться. Я – Пришвин. Живу тут рядом, в Дунино. Что-то не пойму, на чём вы ездите?! Никогда не видел таких мотоциклеток.

Объяснил, что это выпущенный для инвалидов Отечественной войны трёхколёсный мотоцикл, а мне он достался по случаю: увидел в хозяйственном магазине, куда он непонятно каким образом попал. Стал нахваливать Пришвину драндулет. Дескать, он прост по конструкции, лёгкий – любой деревенский мальчишка без труда может вытолкнуть его на плохой дороге. Пришвин загорелся, как мы теперь говорим, завёлся с поворотом. Ему захотелось занять такой же драндулет, чтобы, без опасения застряв, выезжать в лес. Он явно не мог себе позволить упустить такого знатока вездеходных машин, как я.

– Вот что, – энергично воззвал он ко мне, – давайте поближе познакомимся. Приезжайте ко мне в Дунино незамедлительно.

– И наш голубь полетел следующим утром? – вспомнив, как бодро-весело сам-то отозвался на желанное, ожидаемое приглашение Конёнкова прийти к нему в дом на Тверском бульваре.

– Нет, не поехал я в Дунино ни следующим утром, ни в последующие дни. Посчитал, что не готов удостоиться такой чести. Понимал, не подготовлен к этой встрече – возможно ли серьёзное общение с писателем, живым классиком, без знания его книг?

– Что? Вы до встречи в лесу под Звенигородом не читали Пришвина, а только слышали от других, что он классик? – задал я недоуменный, наивный до глупости вопрос великомуудрому Никольскому.

– Как так не читал? Не могло такого быть.

Он задумался, соображая, с какого конца распутывать нить моего незнания, непонимания сути дела.

– Читал я, конечно же, Пришвина и сознавал, что среди многих других литераторов Пришвин правдив в своих книгах; это было видно сразу.

– Просветите, Валентин Михайлович, о чём речь?

– О раздвоении личностей в стране победившего социализма. Одно люди говорят, публично, а по-другому о том же предмете думают. Немало по сей день простодушных, доверчивых. Писатели многие – что флюгер. Пришвин же всегда правдив. Я с гордостью за него повторяю это. Что почём, он различал. Как ему удалось избежать раздвоения и разлада в душе и в чём он нашёл примирение – это была тайна, открыв её, я надеялся избавиться от состояния душевного смятения.

Валентин, видя, что мне не до конца понятна ситуация с душевным раздвоением, заговорил о том, откуда в нём это проросло и как дружба, разговоры с Пришвиным помогли ему.

– Встреча с ним обозначила всю мою дальнейшую судьбу и в те, ранние, пятидесятые, годы сыграла решающую роль. Тогда я учился на художественном факультете Полиграфического института и, будучи членом Московского товарищества художников, зарабатывал на жизнь, сдавая пейзажи и натюрморты на малый совет. Я был «кормильцем» в семье, состоящей из старенькой мамы и учащейся сестры. После перенесённой в детстве болезни позвоночника я утратил способность ходить, и в школе никогда не учился, и меня почти не коснулась навязчивая пропаганда казённого розового оптимизма. Я рано стал чувствовать лакировочную лживость газетных информации и не питал нежности к «отцу народов», поняв его деспотическую сущность. Я себя в общественной среде чувствовал белой вороной, и это меня смущало и беспокоило. Встреча с Пришвиным ошеломила. Было лестно, радостно получить от него приглашение, но я понимал, что не подготовлен к такой встрече. Недельку метался между желанием немедленно ехать в Дунино и страхом опозориться. Постепенно вызрело максималистское решение – пока не прочитаю всё, им написанное, не показываться. Но однажды возле деревенского дома в Салькове, где мы жили тем летом, остановился пришвинский «москвиченок» и жена Михаила Михайловича, Валерия Дмитриевна, войдя на террасу, сказала:

– Что же вы, молодой человек, заставляете искать себя? Быть приглашённым к Пришвину считается большой честью, а вы так пренебрегаете!

Мне было очень стыдно, и я обещал утром приехать.

Оглушая окрестности рёвом мотора, испуская клубы дыма драндулет достиг вершины пригорка, на котором стоял дом знаменитого писателя, и я очутился перед столиком, за которым под огромной липой сидел улыбающийся Пришвин.

– Здравствуйте, вот вы и добрались до нашего Дунина.

Пока мы приветствовали друг друга, мой Джек заинтересовался пришвинской Джалькой, красивой охотничьей собакой. Они затеяли бурную возню, гоняясь друг за дружкой по саду. Я тогда на его интерес к моей собаке рассказал Пришвину историю Джека. Подобрал его в поле погибающим: кто-то перебил ему позвоночник, он еле полз, задние ноги его волочились. В покое, при уходе и хорошей еде Джек стал быстро поправляться, выздоровел и был невероятно предан, послушен. Он быстро освоил уйму команд и научился, я уже об этом говорил, возвращаться домой с запиской в карманчике ошейника.

– Лялечка, послушай, что художник про свою собаку говорит, – позвал жену Михаил Михайлович. Она вышла. Любуясь женой, глядя на резвящихся собак, Пришвин с лукавой улыбкой предположил:

– А вы знаете, они ведь сейчас хвастаются нами – своими хозяевами. Жалька говорит Джеку: «Что у тебя за хозяин? Одна мотоциклетка имеется и та в гору еле-еле тянет, а у моего – и дом какой, и сад с яблоками, и настоящий автомобиль». А Джек ей возражает: «А что толку-то, зато мой хозяин молодой и кучерявый, а у твоего кудри за ушами только и остались, а имущество у моего еще будет».

Собачий диалог насмешил всех, а я понял – Пришвин это сделал для меня. Он видел мою одеревенелую застенчивость и пытался снять её. После такого его поистине гроссмейстерского шахматного хода я осмелился попросить у Михаила Михайловича разрешения написать с него этюд. Он согласился.

Никольский прервал сильно заинтересовавший меня рассказ и стал разыскивать на большом, нагруженном эскизами, этюдами, зарисовками столе что-нибудь из подготовительных материалов времени работы над портретом Пришвина.

– Вот, полюбуйтесь, один из первых натуральных набросков – «В окрестностях Дунина».

Я не без удовольствия и гордости за друга-художника всматриваюсь в живой, симпатичный этюд, на котором Пришвин увлечён, молод духом, обаятелен. Пришвину свойственны поэтичность, особая, пристальная, наблюдательность, достоверность в описании жизни природы. Пришвин – поэт-философ, тонкий и своеобразный стилист. Он проложил для отечественной литературы поэтическую тропу в русский лес. И в этом пункте видится точка схода, пересечения поэтики, системы эстетических средств, городского интеллигента по происхождению Пришвина с гением-почвенником Конёнковым, которому Бог дал в руки резец, чтобы он явил миру тайну тысячелетия славянства на этой земле, передал это в изваянных им образах «Старичка-полевичка», «Сказительницы Кривополеновой», «Вели-косила», загадочных поныне его земляков, определённых им по породе: «Мы – ельнинские». И вспомним у Пришвина: «В краю непуганых птиц», «За волшебным колобком», «Родники Берендея», в самих названиях чувствуется живая связь, единая с конёнковской природно-поэтической пластикой кровь.

Все залы первого этажа Третьяковской галереи связаны между собой скульптурами Сергея Тимофеевича Конёнкова. И это не какое-то болезненное пристрастие сегодняшних экспозиционеров. Весь двадцатый век шла Третьяковская галерея к такому решению: шедевры Конёнкова, конгениальные творениям греческих скульпторов эпохи Перикла, – «Юная», «Сон», «Пробуждение», «Раненая», «Нике», «Стрибог», «Пиршество», «Ундина», наконец, «Девушка с поднятыми руками», – подобно изваянной из мрамора «Ники Самофракийской», окрыляющей, освещающей божественной античной красотой Лувр, изваянная Конёнковым деревянная статуя обнажённой, юной красавицы-славянки, символизирует высоту, недостижимый после античных ваятелей и конёнковской пластики уровень гуманистического искусства. Уверенно держит «Девушка с поднятыми руками» вместе со всей бесценной коллекцией Третьяковской галереи престиж одного из лучших музеев изобразительного искусства мира.

Никольский замечает наконец, что его интервьюер-собеседник в мыслях ушел далеко от предмета разговора, и отбирает со смехом у меня рисунок «В окрестностях Дунина».

– А теперь, если позволите, Юрий Александрович, расскажу, как мне позировал Пришвин. Я приезжал на своём драндулете к четырём часам, мы располагались в нижней части сада под раскидистой елью. Начинался сеанс, и завязывались долгие разговоры, которые отнюдь не содействовали моей работе.

– Но постижению Пришвина, надеюсь, это помогало?

– Пришвин свободно двигался, много рассказывал, размышлял вслух, что-то записывал в свой блокнот, а иногда, забывая про меня, погружался, вроде тебя, в глубокое раздумье. Именно в эти минуты я пытался уловить нужное мне выражение лица. Высокий, правильной формы лоб Пришвина обрамлялся по сторонам орнаментальными завитками волос. Такое же чёрное серебро было в струящихся бороде и усах. Глазные впадины, надбровные дуги и нос – всё завязывалось крепко и строго, но без готической строгости и схемы, а по-славянски мягко, переходя из формы в форму... Михал Михалыч был в отношениях со мной деликатен: после сеанса не смотрел работу. Мне это давало возможность созданный этюд отложить, как материал к задуманному мной композиционному портрету.

– О чём острым вы рассуждали летом пятидесятого года?

– В тот год газеты, кажется, особенно надрывались в прославлении Сталина и восхвалении нашей жизни. Помню одна газета выдала заголовок: «Избыток духовной культуры в Советском Союзе».

– Ну, во-первых, избытка культуры не может быть по определению, а во-вторых, в искусстве мы, свидетельствую как причастный к тому времени, были не «только в области балета впереди планеты всей». Теперь в высокой культуре как бы и не нуждаемся – наши выдающиеся музыканты-исполнители, композиторы, оперные и балетные звёзды тешат западного слушателя, зрителя, а нам – обьедки с модернистского стола.

– Ты не согласен с тем, что газеты в сталинское время нагло лгали?

– Лгали, да ещё как! Ложь была наглядна и груба...

– Я, помнится, тогда в разговоре с Пришвиным осмелел и пошёл сталинское время крыть.

– В пятидесятом году?

– Вот именно... И, представь себе, Пришвин со мной согласился во многом и высказал при этом мудрое поучение: «Не так смотрите. Следует понять тайну казённой догматичности. Вот, например, существует понятная и простая фраза «высокий дом». Но это человеческое понятие кажется чиновнику-догматику низменным и не современным. Он вставляет всего одну буквы «т» и получается «высотный дом», где это понятие уже обретает казённую механистичность. Правда в народе – только там и нужно искать её».

– Валентин Михайлович, что значил Пришвин, человек и писатель, в вашей жизни?

– Как теперь модно говорить, хороший вопрос, – улыбнувшись во всё лицо, ответил он, словно посмеиваясь над собой за этот словесный штамп. – Влияние его во многом определило, направило всю мою дальнейшую жизнь. Если Пришвин так внимательно, серьёзно, ответственно смотрит на мои скромные этюдные работы, стало быть, видит во мне художника, в какой-то мере ровню себе, а это заставляло, фигурально выражаясь, расправить плечи. Так уж повелось с начала знакомства, что этюды свои я по мере готовности привозил в Дунино «на приживаемость». Новый этюд, если он нравился, приговаривался «к повешиванию» и будучи приколотым, жил на стене, выдерживался. Иногда с заключением «эффектный, но пустой – одна краска» этюд изгонялся из дома; чаще было «красивый, но не излучает, нет контакта» и уж совсем редко: «духовный и красивый» – такой этюд я всегда пытался подарить, но почти всегда безуспешно. «У вас самого не так уж густо таких», – мудро оценивал ситуацию мой наставник. Он испытывал ко мне отцовское чувство, хотелось порадовать его.

– Он был откровенен или по большей части себе на уме?

– Ему присуща была детскость взгляда на жизнь. Он как-то за новогодним столом пооткровенничал со мной: «Вот пришло время – всё. доступно, всё есть, чего так хотелось в детстве, но эти желания исчезли, потеряли привлекательность, и только любовь к природе никак не уходит, не ослабевает. В этом, может быть, и заключается весь мой писательский талант. Обо мне ведь, что говорят, – по-стариковски в бороду усмехнулся он, – «это тот, который пишет о природе, рассказывает об охоти, всё знает о погоди».

...В творчестве Пришвина и его друга, художника Никольского, по мнению моего сына Сергея, много общего: «Они одинаково горячо любили родную природу переславльскую. Тональность искусства одного и другого единая – мягкая лирика».

Когда осенью 1988 года умер Никольский, его отпевали в Новогириеевской церкви. Сергею Валентин Михайлович приходился крёстным отцом. Во время обряда отпевания, который вёл духовник Никольского, отец Николай, почитаемый, уважаемый в среде московской художественной и научной интеллигенции исповедник, Сергей, по его признанию, «во время службы встретился с душой усопшего». Молодой скульптор испытал сильное впечатление, близкое к истинному озарению. Это был ключ к обретению образа, не лишённого черт святости. В сущности, то был ключ к становлению творческой личности, обращенной к духовному началу. Сергей недавно в разговоре о Никольском признавался: «Композиция «Отпевание» сделана за

несколько дней. Бронзовый отлив у меня, студента, был приобретён Третьяковской галереей. Саша Белашов и Маша Фаворская, повстречав меня в Криушкине, поздравили с удачей».

«Отпевание» – первая творческая работа Сергея и одно из лучших его произведений. Она о жизни внутреннего человека – во время той незабываемой службы в Новогириевской церкви происходило таинство прощания с душой Валентина Никольского, открытого к миру и людям человека.

Обаяние, сила Никольского в том, что, несмотря на физическую ущербность, он проявлял любопытство ко всему существу. Интересно было находиться рядом с ним, потому что его больше интересовали люди, а не он сам. С ним всегда было увлекательно. Валентин Михайлович делился радостями, ему доступными. Это было воспитанное им в себе качество. Человек либо ломается, либо находит способ существования «интересного, глубокого человека».

Достичь такого светлого состояния без веры невозможно Никольский всегда улыбался навстречу. Это давала ему вера. В нём столько было силы, что он заряжал тех, кто к нему приходил. Он положительную энергию щедро раздавал, и от этого у него её меньше не становилось.

Никольскому я обязан знакомством с Плещеевым озером. Он назвал меня, только-только севшего за руль «москвича» (1964 год), прикатить к нему в гости в домик лесника, у которого он снимал угол. Домик стоял у самой воды, в сосновой молоденькой, сквозной рощице. Причал. Вёсельная, дощатая лодка. Первое соприкосновение с плещеевской водой, с озером запомнилось анекдотическим обиением рыбы в нём. Хозяин лодки, его сын-подросток и аз, грешный, влезли в неё с рыбацкими снастями. У моих коллег-рыболовов зачем-то по три удочки. Мне даже попеняли:

- Что же ты, рыбак-хренов, с одной снастью, да такой худой?
- А что? Заснёшь, поклёвки ожидаючи?
- А ничего! Увидишь – поймёшь.

Отойдя от берега метров на пятьдесят, спустили за борт камень, обвязанный верёвкой и притороченный к корме. Принялись разматывать удочки. Зачем они взяли по три удилица, так и не понял. Едва червяк на моём приспособлении для вылавливания плещеевской плотвы и подлещиков погрузился в воду, как поплавок пошёл вглубь. Над водой, когда потянул на себя леску, появилась мерная, сто пятидесятиграммовая плотвица. Она добровольно, не дергаясь, не выпрыгивая из воды, потянулась ко мне и плавно по воздуху перенеслась в лодку. И пошло, пошло – всё в том виде и образе. Забрасываю леску, поплевав на побывавшего во рту у рыбы, но сохранившего живость червяка, и через несколько секунд тяну на борт вторую плотвицу. Очевидно, наша лодка стояла среди несметного косяка плещеевской плотвы. Лески захватистых рыбаков то и дело проносили у меня над головой серебрящихся в лучах утреннего солнца плотвиц и подлещиков. Только успевай увёртываться, чтобы не получить пощёчину от подцепленной на крючок хозяйки Плещеева озера или, хуже того, не быть самому пойманым на крючок. Рыбины то и дело срывались и смачно плюхались в тёплую, ласковую воду – их родную стихию.

Никольский, сидя на берегу с этюдником, поглядывал на нас и хохотал – рыбалка напоминала эпизод кинокомедии.

Никогда, ни раньше ни позже, такой рыбалки не выпадало на мою долю. За какой-нибудь час трое рыбаков заполнили днище лодки обильным уловом – ступить было некуда, по щиколотку всюду скользкая плотва, колючие ерши и окуни, плоские подлещики. Внезапно, не стовариваясь, бросили это азартное занятие, подняли со дна камень, служивший якорем, тронулись к берегу и вскоре, шагнув за борт, оказался я на золотящемся песчаном пляже.

Стоя по щиколотку в тёплой прозрачной воде, стал вглядываться в далёкий противоположный берег. Рыбачьи лодки там, в прозрачном утреннем просторе северо-восточного прибрежья, настолько хорошо видны, что различимы забрасываемые и извлекаемые из глубины сети. Ближе к озёрной кромке по пояс в воде стояли люди. Ярko встала в памяти богатырская

фигура бредущего в цепи ловающих неводом рыбу молодого князя Александра. Видение это подкинула память – ожившие кадры фильма Эйзенштейна «Александр Невский». Мог ли я предположить, что некая могучая влекущая сила в скором времени поднимет и вознесёт меня на прибрежные холмы, что виднелись на противоположном, северо-восточном берегу Плещеева озера, в деревню Криушкино, которая находится менее чем в версте от Александровой горы.

Кто создал выдающийся литературный памятник Древней Руси «Житие Александра Невского»? Ответ в самом «Житии»: содержание, идейная нагрузка, стилистика, лексика и как минимум две трети текста это подаваемая от третьего лица живая, подлинная речь самого Александра Невского. Конечно, «Житие» не автобиография, но в этом случае, выходит, сам вроде как не писал, а слышим, видим, ощутим с его разумом и плотью святой благоверный великий князь Александр Ярославович Невский.

Век живи, век учись – дураком умрёшь! Нехитрая поговорка, эдакое простодушное самобичевание в ней. С чего это сам себя в простофили записываю? С досады, думаю, это происходит. Мне вот что обидно: тридцать лет тому назад со старанием, благо была возможность (получал я как номенклатурный чиновник Госкомиздата информационный бюллетень, по которому всё, что твоей душе угодно из вышедших в стране дефицитных книг, можно было приобрести – благая для меня гримаса социализма.) Так вот, в начале восьмидесятых регулярно выкупал я книги серии «Памятники литературы Древней Руси». Необходимость погрузиться в литературные первоисточники, скажем XIII века, возникла только сейчас, осенью 2010 года, когда меня решительно покорила, захватила и унесла в тринадцатый век биография святого благоверного князя Александра Невского. Обидно, тридцать лет на полке моей домашней библиотеки лежал по-настоящему не востребованным сборник «Памятники литературы Древней Руси XIII века». Листал ненароком, но не читал, не вникал.

В некоторых случаях, оказалось, судил о древних литературных памятниках, как сущий варвар. Априори, верхоглядски полагал, что жития святых – это средневековые фантазии в духе клерикализма Встав перед необходимостью постижения с возможной полнотой биографии православного святого Александра Невского, княжеский терем которого стоял в тринадцатом веке на Александровой горе, неподалёку от моего дома в Криушкине, я стал вчитываться в текст «Жития Александра Невского».

Интерес к литературному памятнику тринадцатого века сильно подогревало то обстоятельство, что в самой близкой близости от деревни Криушкино, где я поселился в мае 1970-го года, находится Александрова гора. По некоторым косвенным данным, в те далёкие времена эпохи Александра Невского здесь, в нашей деревне, в дни княжеского присутствия на Ярильной плещи, квартировала его дружина. Эта версия прочно засела в генетической памяти местного населения. Старики намекали, будто знают подробности, но болтать про то им не гоже. Известный артист, исполнитель заглавной роли в фильме «Журналист» Юрий Васильев, копая яму, чтобы посадить куст сирени перед фасадом дома, зацепил лопатой старое бревно – вглубь уходил сруб старого-престарого дома. Васильев долго маялся, извлекая из недр криушкинской земли полусгнившие венцы, полагая, что, может быть, это как раз то тёплое жилище, в коем отогревались после зимних походов воины княжеской дружины. Романтиком был, похожий богатырской статью на князя Александра, Юрий Васильев. Бог ему простит пылкое воображение патриота Криушкина. Впрочем, правда о древнем поселении не так уж глубоко зарыта.

Археолог Андрей Леонидович Никитин, разговаривавший со мной на картофельном поле бывшей усадьбы Ширшиковых, помнится, тогда высказался о древности нашей деревни так:

– Куда до Криушкина Москве! Стоит здесь крестьянское поселение десять, а то и больше веков. На месте вашего огорода, где вы сейчас копаете историческую землю под картошку, – усмехнулся специалист по древности, – чёрное пятно. Это тысячелетнее накопление гумуса,

перегнав от ведения животноводства и вообще хозяйственной деятельности. Чёрное пятно ведётся от времени первоначального поселения, от которого пошло и это, сегодняшнее, Криушкино, пошло, как побег от корня. Плотнo сaдилcя человек на землю.

– Порядок домов (именуемый Кундыловкой), смотрящих на озеро окнами, стоит несколько ниже основной улицы деревни, в стороне от неё, и занимает место древнего славянского поселения, – продолжал разъяснять мне Никитин. – Почему Кундыловка, до сих пор попытаться не могу, никто не знает.

– Можно предположить на основе доморощенного лингвистического анализа, откуда это название взялось. Когда в двадцатых годах малоземельным здесь давали наделы, шорох недовольства, страха ползли по деревне:

– Куда это вас переселяют? – спрашивает любопытствующая женщина говорящего в нос, шепелявящего паренька.

– Кунда? Кунда? На Кундыловку, – выдохнул гундосый и ухмыльнулся щербатым ртом. Вот такая версия происхождения Кундыловки.

– Кругом здесь история. Это никому другому, как мне, археологу, понятно. На Дикарихе счастливым образом открыл я неолитическую стоянку, с верха которой, даже, можно сказать, в сердцевине её, оказался в наличии ещё и весь доказательный комплекс более поздней, фатьяновской культуры. Стоит вам шагнуть за край картофельного поля, по откосам, в орешнике, увидите во множестве разрытые курганы, а там – рукой подать до Александровой горы.

Я тогда в разговоре на картофельном поле допытывался у Андрея Никитина:

– Александрова гора, потому что вовсе не легенда княжеский терем на её вершине?

– Первым раскопки на Александровой горе осуществил в середине XIX века археолог Савельев. Он описал три культурных слоя: самый нижний – курганный, с обычными для погребений находками пряжек, ножей, ключей, лепной керамики, куфических монет, чеканенных во второй половине IX–X веков. Второй слой – XIII–XV века. Остатки фундаментов княжеского терема, его хором, и монастырских построек. После кончины князя на горе возник монастырь святого благоверного князя Александра Ярославича Невского.

– Летописи молчат, возможно, не сохранились те страницы, в коих засвидетельствовано пребывание Александра Невского на буквально набитой свидетельствами её глубокой истории Александровой горе.

– Что есть, то есть. Действительно, набита. В археологическом отношении Александрова гора, в языческом прошлом Ярилиная плешь, – уникал. Савельев не обратил внимания на самые ранние материалы – керамику и костяные изделия дьяковского первобытнообщинного времени. Дьяковская культура фиксируется в пределах второй половины I-го тысячелетия до нашей эры, а верхний её предел – начало летописного времени.

– Монастырь в честь святого благоверного князя Александра разрушен в XVII веке, скорее всего в годы Смутного времени.

– В здешних местах рыскали, осаждая переславльские монастыри, Сапега и Казимир Лисовский. Польско-литовские «рыцари» явно возжелали разорением Александрова монастыря отомстить за былые поражения в противостоянии новгородскому князю.

В 1245 году толпы литовцев явились около Торжка и Бежицка; погнались было новоторжцы за литвою, но потерпели поражение, потеряли всех лошадей; потом новоторжцы вместе с тверичами и дмитровцами настигли и разбили литву под Торопцом, а князя их, однако, укрылись в городе. На другой день пришёл Александр с новгородцами, взял Торопец, отнял у литовцев весь плен и перебил князей их. Новгородские полки вернулись домой – Александр с одним двором своим погнался опять за литовцами, разбил их снова у озера Жизца, не оставил в живых ни одного человека. После этого он отправился в Витебск, откуда, взвавши сына, возвращался назад, как вдруг наткнулся опять на толпу литовцев возле Усвята: Александр ударил по неприятелям и снова разбил их. Обычно знают-помнят о святом-полководце, что он раз-

бил шведов на Неве и псов-рыцарей на Чудском озере, Ледовое побоище, а за ним числится множество побед. Следует сказать, поражений он не знал. Европа преклонила колена перед полководческим гением князя Александра.

По давней подсказке Андрея Никитина и в стремлении привлечь в свой круг знаний как можно больше источников при постижении непостижимо величественной биографии святого князя Александра я открыл оранжево-белый том – «Памятники литературы Древней Руси, XIII век», и углубился в текст, раскрывающий внешние факты и подноготную разгрома шведов-рыцарей. Явно при жизни Александра этот рассказ был им, как бы мы сказали сегодня, надиктован. Теперь сознаю, понимаю, в советское время прочитать «Житие» так, как это удалось мне сделать сейчас, в 2010 году, не вышло бы!

«Стоило только руку протянуть и взять с полки том с литературными памятниками 13 века», – распаялся я, приступая к осознанию личности Александра Невского. Но вряд ли был бы тогда толк от моего чтения «Жития Александра Невского», поскольку время постижения идейного смысла деятельности святого благоверного князя Александра Невского тогда, в начале 80-х годов прошлого века, еще не пришло, о чем говорит комментарий академика Дмитрия Сергеевича Лихачёва о литературных памятниках тринадцатого века, в котором основной, ведущий аспект литературоведческий. Статья названа «Литература трагического века России». Богословский аспект в комментариях Лихачёва вовсе отсутствует, будто в этом нет надобности, дескать, и так всё ясно, а скорее всего, Дмитрий Сергеевич не видит, не желает видеть идейной, религиозной направленности деятельности Александра Невского.

В первую голову на что обращает внимание в комментарии к «Житию Александра Невского» Лихачёв? На всё, что касается продолжения литературных традиций домонгольского периода: на светскость текста «Жития», на преемственность, даже подобие «Жизнеописания Даниила Галицкого» и «Жития Александра Невского», на серийность, что ли, зачатую книжником-монахом, митрополитом Кириллом, по Лихачёву, – предполагаемым автором как «Жизнеописания Даниила Галицкого», так и «Жития Александра Невского». Дмитрий Сергеевич Лихачёв писал: «Светское «Жизнеописание Даниила Галицкого» послужило образцом для церковного «Жития Александра Невского». И именно это облегчало автору «Жития Александра Невского» задачу создания нового типа церковного жития святого-полководца. «Житие» было, по-видимому, составлено в том же кругу книжников, ибо «печатник» Даниила Галицкого Кирилл – стал митрополитом Кириллом, переехавшим на северо-восток и помогавшим Александру. Он сам, этот Кирилл, или кто-то из его окружения, составил оба жизнеописания – Даниила и Александра. В этом убеждает множество стилистических и лексических совпадений».

То ли Лихачёв находился в плену сделанного открытия («Жизнеописание Даниила Галицкого» и «Житие Александра Невского» написаны одним лицом – «книжником», митрополитом Кириллом), то ли не пожелал получать упреков от члена политбюро, партийного «праведника», богоборца Сулова, в увлечённости православной верой, но факт налицо – Лихачёв пропускает мимо глаз и молитву Александра в Святой Софии, в коей без труда различима религиозно-политическая платформа князя, собирающегося выступить и побить захватчиков-шведов, а впоследствии и всех иных ворогов из числа тех, что пытаются посягнуть на русскую землю.

Обратившись к структуре и содержанию «Жития Александра Невского», можно без чрезвычайных мыслительных усилий различить в этом блистательном литературном тексте следующие идеологические установления.

Зачин носит, естественно, панегирический характер, в нём Александр, следует заметить, по заслугам уподоблен и Самсону, и Иосифу Прекрасному, и Соломону, и римскому императору Веспасиану. В зачине кратко, ёмко сказано о происхождении князя: «сына Ярослава,

внука Всеволода». В зачине наиважнейшее указание на смысл предпринимаемого автором труда: «И воистину, не без Божьего повеления было княжение его».

Буквально в первых строках «Жития Александра Невского» внятно заявлено автором: «Поскольку слышал я от отцов своих и сам был свидетелем зрелого возраста его, то рад был поведать о святой, и честной, и славной жизни его». В дальнейшем автор делает ещё одно важное заявление: «Хотя и прост я умом, но все же начну, помолившись святой Богородице и уповая на помощь святого князя Александра».

В чём заключалась помощь святого князя Александра? А в том, что он продиктовал, наговорил, изложил как развернутый, оснащённый, то есть снабжённый деталями, подробностями, действующими историческими персонажами, зримый, сценарий Невской битвы как им задуманного и с Божьей помощью победоносно свершённого сражения.

Завершив повествование о Невской битве, которое необходимо воспроизвести здесь от начала до конца, делая необходимые замечания по тексту, автор-составитель «Жития», словно заверяя сие печатью, заключает:

«Все это слышал я от господина своего, великого князя Александра, и от иных, участвовавших в то время в этой битве».

Что же «надиктовал» Александр своему литзаписчику, «монаху-книжнику», конечно, сведующему в святописании и, естественно, не посмевавшему бы ни за князя Александра придумывать (не смог бы!) прозрения, аксиомы и постулаты его религиозно-политической концепции спасения великорусской нации и зарождения великорусской государственности?

Внимание! Вы слышите авторизованную, благословлённую, произнесённую вслух при авторе-составителе «Жития» речь князя Александра. Речь от третьего лица, поскольку её пересказывает монах-книжник, «литзаписчик» «Жития Александра Невского».

«Один из именитых мужей Западной страны, из тех, что называют себя слугами Божиими, пришел, желая видеть зрелость силы его, как в древности приходила к Соломону царица Савская, желая послушать мудрых речей его. Так и этот, по имени Андреан, повидав князя Александра, вернулся к своим и сказал: «Прошел страны, народы и не видел такого, ни царя среди царей, ни князя среди князей».

Услышав о такой доблести князя Александра, король страны Римской из северной земли подумал про себя: «Пойду и завоюю землю Александрову». И собрал силу великую, и наполнил многие корабли полками своими, двинулся с огромным войском, пыхая духом ратным. И пришёл в Неву, опьяненный безумием, и отправил послов своих, возгордившись, в Новгород к князю Александру, говоря: «Если можешь, защищайся, ибо я уже здесь и разоряю землю твою».

Александр же, услышав такие слова, разгорелся сердцем, и вошёл в церковь Святой Софии, и, упав на колени перед алтарём, начал молиться со слезами: «Боже славный, праведный, Боже великий, сильный, Боже предвечный, сотворивший небо и землю и установивший предел народам, Ты повелел жить, не преступая чужих границ». И, припомнив слова пророка сказал: «Суди, Господи, обидящих меня и огради от борющихся со мною, возьми оружие и щит и встань на помощь мне».

И, окончив молитву, он встал, поклонился архиепископу. Архиепископом же был тогда Спиридон, он благословил его и отпустил. Князь же, выйдя из церкви, осушил слёзы и начал ободрять дружину свою, говоря: «Не в силе Бог – но в правде». Вспомнил песнотворца, который сказал: «Один с оружием, а другой на конях, мы же имя Господа Бога нашего призовём; они, поверженные, пали, мы же устояли и стоим прямо». Сказав это, пошел на врагов с малою дружиной, не дожидаясь своего большого войска, но уповая на Святую Троицу».

Рассказ от имени князя Александра сильно расходится с изложением истории Невской битвы без Божьего промысла, без христианской православной веры князя Александра в помощь и заступничество Господа Бога нашего.

Если бы не вера в заступничество Святой Троицы, как бы решился он с малой дружиной выступить и опрокинуть в невские воды шведский десант, высадившийся с армады кораблей?

В «Житии» далее сообщается нам, потомкам, гордящимся святым-воином Александром Невским:

«И выступил против них в воскресенье пятнадцатого июля, имея веру великую к святым мученикам Борису и Глебу».

Религиозное сознание русских людей того времени не существовало, не могло обойтись без веры в Спасителя, Богородицу, Святую Троицу, святых мучеников Бориса и Глеба, упомянутых неспроста.

Если того, о чем далее повествуется в «Житии», не было на самом деле, то это обязательно привидеться князю Александру – так глубока, истинна, правомерна была его вера в заступничество небесных сил.

«И был один муж, старейшина земли Ижорской, с именем Пелугий, ему поручена была ночная стража на море. Был он крещён и жил среди рода своего, язычников, наречено же ему в святом крещении имя Филипп, и жил он богоугодно, соблюдая пост в среду и пятницу, потому и удостоил его Бог видеть видение чудное в тот день. Расскажем вкратце».

Снова не стереотипное церковное словоговорение, а пересказ живой, подлинной речи князя Александра, рисующей воображаемое или в реальности имевшее место быть событие.

«Узнав о силе неприятеля, он вышел навстречу князю Александру, чтобы рассказать ему о станах врагов. Стоял он на берегу моря, наблюдая за обоими путями, и провёл всю ночь без сна. Когда же начало всходить солнце, он услышал шум сильный на море и увидел один насад, плывущий по морю, и стоящих посреди насада святых мучеников Бориса и Глеба в красных одеждах, держащих руки на плечах друг друга. Гребцы же сидели, словно мглою одетые. Произнёс Борис: «Брат Глеб, вели грести, да поможем сроднику своему князю Александру». Увидев такое видение и услышав эти слова мучеников, Пелугий стоял трепетен, пока насад не скрылся с глаз его».

Рассказ этот, что библейская песня песней Соломонова! Не мог так поэтично, картинно говорить книжник-автор «Жития» – несомненно, ему врезалась в память рассказанная некогда Александром баллада. Близкий к народной лексике лирико-эпический сказ – скорее всего литературное творение во всём сверхдаровитого, гениального Александра Ярославича. Было в кого. Автор «Жития» свидетельствует: «Сей князь Александр родился от отца милосердного и человеколюбивого, и более всего кроткого, князя великого Ярослава, и от матери Феодосии».

Сценарий Александра идейно, можно сказать идеологически, выстроен так, что всякий, кто слышал рассказ князя о победе над шведским войском в устье Ижоры, впадающей вблизи моря в Неву, не мог усомниться в том, что без Божьей помощи тут дело не обошлось.

«Вскоре после этого, – излагает предысторию Невской битвы автор «Жития», – пришёл Александр, и Пелугий, радостно встретил князя Александра, поведал ему одному о видении. Князь же сказал ему: «Не рассказывай этого никому». До поры до времени это было тайной. А оно, это время, подошло очень скоро.

«После того Александр поспешил напасть на врагов в шестом часу дня, и была сеча великая с римлянами, и перебил их князь бесчисленное множество, а на лице самого короля оставил след острого копья своего»

Александр Ярославович в детстве из хороших рук в Переяславле получил историческое образование: политику и историю княжичу преподавал сам Даниил Заточник – автор знаменитого «Моления». А ещё просвещал его образованнейший в церковной истории епископ Симон. Неудивительно, что его, святого благоверного князя Александра, рассказ о вмешательстве небесного воинства в разгром шведских интервентов поддержан для убедительности исторической аналогией.

«Было же в то время чудо дивное, как в прежние дни при Езекии-царе. Когда пришёл Сенахирим, царь ассирийский, на Иерусалим, внезапно явился ангел Господень и перебил сто восемьдесят пять тысяч из войска ассирийского, и, встав утром, нашли только мёртвые трупы. Так было и после победы Александровой, когда победил он короля, на противоположной стороне реки Ижоры, где не могли пройти полки Александровы, здесь нашли несметное множество убитых ангелом Господним. Оставшиеся же обратились в бегство, и трупы мёртвых воинов своих набросали в корабли и потопили их в море».

Так рассказывал о битве со шведами князь Александр. Так ли было на самом деле, удостовериться теперь, спустя столько времени, невозможно. Известно же с полной достоверностью то, что Александр с дружиной разбил, опрокинул в воды Невы во много крат численно превосходящие силы врагов, за что получил славное добавление к имени своему «Невский».

Впрочем, отчасти налёт легендарности, романтическое видение снимает рассказ Александра о том, как проявили себя в сражении при устье Ижоры шесть храбрых мужей его дружины. Все шесть – исторические личности. Вот этот перечень героев битвы записанной со слов Александра автором «Жития»: во всех исторических хрониках, в «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева, приводится этот список с перечнем героических свершений сих лиц.

«Первый – по имени Таврило Олексич. Он напал на шнек и, увидев королевича, влекомого под руки, въехал до самого корабля по сходням, по которым бежали с королевичем; преследуемые им схватили Гаврилу Олексича и сбросили его со сходен вместе с конём. Но по Божьей милости он вышел из воды невредим, и снова напал на них, и бился с самим воеводою посреди их войска.

Второй, по имени Сбыслав Якунович, новгородец. Этот много раз нападал на войско их и бился один топором, не имея страха в душе своей; и пали многие от рук его, и дивились силе и храбрости его.

Третий – Яков, родом полочанин, был ловчим у князя. Этот напал на полк с мечом, и похвалил его князь.

Четвёртый – новгородец, по имени Меша. Этот, пеший, с дружиною своею напал на корабли и потопил три корабля.

Пятый – из младшей дружин, по имени Сава. Этот ворвался в большой королевский златоверхий шатер и подсёк столб шатровый, видевшие падение шатра возрадовались.

Шестой – из слуг Александра, по имени Ратмир. Этот бился пешим, и обступили его враги многие. Он же от многих ран пал и скончался.

Всё это слышал я от господина великого князя Александра...»

Он прибыл в Переславль, в родные края, после победы над шведами, Невской битвы. Новгородцы любили видеть Александра в челе дружин своих, но недолго могли ужитья с ним как с правителем.

Едва, возликовав, отпраздновали Невскую победу, как «размолвиша новгородцы с Александром Ярославичем и отыде Александр в Переславль, иже на Клещине озере» со всей семьёй – матерью, женой, и детьми, и всем двором своим».

Высокий холм, гора, похожая на место его резиденции в Новгороде. Надо ли сомневаться в том, как горячо любил Александр переяславльскую землю, свою малую родину. Водная гладь, кучевые облака над простором бескрайним лесов.

...В родные пенаты шли водным путём: по реке Поло, выпадающей из Ильмень-озера и бегущей к верховьям Волги, а там, пройдя сотню вёрст по Волге-матушке, вошли в Нерль Волжскую и, преодолевая встречное течение, за дневной переход поднялись до озера Сомино, а уж тут рукой подать до родного Клещина-озера и переяславльского гнезда. Цепочка ладей – караван князя Александра, вместительные гребные суда под парусом, с высоко поднятыми, загнутыми носами, – одна за другой выкинулись по мелководью на золотистый, мягкий, выгла-

женный набегающими на округлый мысок волнами. Это единственное место по всему периметру круглого, как пятак, озера Сомино, которое можно счесть за берег с твёрдой землёй, ибо вся прочая береговая линия – вековые тростники, только попробуй встать на них, уйдёшь с головой в болотистую трясику. Дно в этом озере – слегка загустевшая жижа беспредельной, кажется, глубины. В нижних слоях, вблизи озёрного дна, вода холодна. По всему донному пространству бьют ключи. Мощные родники – главное богатство этого озёрно-болотистого края. Сомино щедро делится родниковой водой с Волгой. Из озера Сомино по трепещущей под напором водных струй артерии Нерли Волжской, стремительно мчит она к набирающей силу великой русской реке. Нерль пополняет Волгу несколько раздвигая её берега. На водной дороге от Новгорода до Переяславля (именно так звался родной город князя в древности; в более поздние века буква «е» выпала) встретились столь же обильные родниковыми стоками верхневолжские озера: Пено, Вселог, Волго, дающие главной водной артерии русской равнины Волге как следует разбежаться с водообильной Валдайской возвышенности. Новгородский и Переяславльский князь Александр, как никто другой в Русской Земле, сознавал, понимал, постигая всепроникающим разумом своим историческую перспективу, значение и роль водообильной колыбели Руси в процессе выживания, становления великорусской нации. Он, по воле Божьей, – отец нации. Его долг и право защищать колыбель православного народа.

Александр стремительно взошёл на вершину поросшего молодыми берёзами бугра, с которого Сомино, как на ладони. Его поразило сравнение, пробудившее, воображение, заставившее мыслью проникать в даль времён.

Водный овал озера Сомино, затерянный среди бескрайних болот Залесья, будто заглядывающий в таинственные просторы небес всевидящий глаз.

Читаю «Житие» и не нахожу в нём строк, посвященных его малой родине. Эта любовь жила в глубине его сердца, и он о ней не говорил – он во имя её будущего встал на защиту Отечества. Был у него дальний прицел. Об этом лучше всего, яснее всего, как говорится, предметно, сказано в «Житии».

Оказалось, при внимательном чтении, искреннем желании постигнуть: почему святой и как такое себе представить – «князь-воин», «государственный деятель», «дипломат» – святой? – он сам в «Житии» своими словами ответил на эти важнейшие вопросы.

«Житие Александра Невского», составленное в 80-х годах XIII столетия по живой памяти современников князя и рассказов о своём бытии самого Александра Ярославича. Надо вспомнить, перечесать, назвать тех, кто взял на себя историческую ответственность за то, чтобы добросовестно донести до потомков, до нас то есть, то, что было ведомо о нём. Это сказание тем паче драгоценно, весомо, достоверно в пределах миропонимания тринадцатого века и всего им о нём известного.

Как полагают глубоко вникшие в текст «Жития», знающие в деталях состояние общественного сознания, ход событий в последующие за кончиной Александра Невского десятилетия историки, «Житие» инициировал, пожелал составить, сын, прямой наследник, князь Дмитрий Александрович. Он, вероятнее всего, имел руководящее влияние в деле составления «Жития Александра Невского». Решение вынашивалось в духе единомыслия Дмитрием Александровичем и митрополитом владимирским Кириллом, который при жизни Александра Невского был с ним во всём и всегда заедино. Как иголка с ниткой, Александр с Кириллом: куда князь, туда и митрополит. Князь в Новгород – туда же следует Кирилл. Князь в Киев – в Киеве митрополит, опять же, Кирилл. Во Владимире между ними особые, доверительные отношения.

Когда скончался в Городце Александр Ярославич, митрополит Кирилл возгласил пастве: «Дети мои, знайте, что уже зашло солнце земли Суздальской». Князь Александр при жизни успел поведать о пережитом им. Так во все биографии и агиографии вошёл сказ князя «О подвигах шестерых мужей из дружины своей» и рассказ Пелугия – история, напрямую связанная со святостью Александра.

Помощь свыше в Невской битве несомненна. Думайте, что хотите, но Александр в тот день, говоря словами Пушкина, был «весь, как Божия гроза».

«Житие» доносит через семь с половиной веков: «Александр поспешил напасть на врагов в шесть часов дня, и была сеча великая с римлянами, и перебил их князь великое множество, а на лице самого короля оставил след острого копья своего». («Ярль Биргер, которого князь Александр называет в рассказе о битве в устье Ижоры королём, не кто иной, как правитель Швеции, ярль Биргер, – растолковывал мне сын Сергей, видевший в кафедральном соборе Стокгольма гранитный саркофаг, на котором возлежит бронзовое изваяние Биргера с увековеченным шрамом через всё лицо. Швед, сопровождавший меня, пояснил в связи со шрамом на бронзовом лице ярля Биргера, что такова была воля правителя, считавшего шрам от копья князя Александра БОЖЬЕЙ ОТМЕТИНОЙ.) Невская битва своей сакральной сущностью так впечатлила отличающихся нордическим хладнокровием шведов, что, когда пятнадцать лет спустя, в 1256 году, подзабывшие неВСКИЙ урок Александра шведы, подверстав, пригласив в разбойную компанию датчан и финнов, высадившись на берегу Финского залива и зайдя в земли новгородские, стали чинить город на Нарове, новгородцы, сидевшие без князя, послали во Владимир за Александром. Прознав о том, шведы тотчас ушли за море.

Историк Сергей Михайлович Соловьёв замечает и подчеркивает религиозное значение неВСКОЙ победы «для Новгорода и остальной Руси». Это значение заключено в характере сказаний о подвиге Александра: «Здесь шведы не иначе называются, как римлянами, – прямое указание на религиозное различие, во имя которого предпринята была война. Победа была одержана непосредственно помощью свыше». Вдохновляющая сила небесного покровительства для чистого, благородного помыслами сердца князя Александра была велика.

«Житие Александра Невского», яркое произведение литературы Древней Руси, стало первой биографией Александра Ярославича Невского, в которой черты воинской повести и житие святого дополняют друг друга. «Житие» удовлетворяло духовные запросы, потребности времени. В конце тринадцатого века во Владимире возникает почитание князя Александра как святого.

Агиография – описание жизни святого, житие святого. На примере Александра Невского агиография предстаёт куда более полной биографией, чем все другие попытки запечатлеть, написать историю героической личности. Агиография, разумеется, в первую очередь выявляет черты святости, проявление божественного промысла в существе личности святого. Никто не знал, что под маской величественного спокойствия происходит в душе его. Душе, уже обитающей в моменты озарения в горнем мире. Душе, живущей в согласии с Божьим миром. Бессмертное, нематериальное в человеке выходило на первый план – вера в Господа Иисуса Христа, единую Троицу вела его по крестному пути на его Голгофу, с которой провидел он освобождённую от татаро-монгольского ига Святую Русь. И оттого не удивляет вера князя Александра в то, что силы для военного противостояния Орде со временем найдутся. Не в силе Бог – а в правде, правда же в том, что каждый народ по божьему установлению вправе жить на своей земле. Он, ободрённый ярким светом веры в тяжком, чёрном тринадцатом веке, уповая на Бога, всю свою героическую, суровую, подвижническую жизнь светлым разумом и разящим мечом своим защищал, пестовал нарождающуюся великорусскую нацию, утверждал идею православной Святой Руси.

Ему противостояли завоеватели – шведы, немцы, датчане, финны, литва, чудь и весь – с запада; золотоордынские ханы с несметными ордами воинственных кочевников – с востока. Он же был устремлён к созиданию на своей земле, созиданию с Божьей помощью, созиданию в условиях фактической оккупации, под гнётом татаро-монгольского ига.

Дипломатия новгородского князя Александра Невского в отношениях с Золотой Ордой – это обращенная в даль времён, основательно выверенная концепция примирения. Он, непобедимый полководец, никогда не обнажал меча против войск Батые и других, правящих Ордой

ханов, потому что сознавал – несметные полчища татаро-монголов не одолеть. Над его головой висит Дамоклов меч. Разумеется, не знавший поражений в битвах (сколько их было на его веку!), Александр Невский совсем не то, что обольстившийся сверхдоверием фаворит сиракузского тирана Дионисия Старшего Дамокл, но, подобно Дамоклу, пируя, ведя, казалось бы, благожелательные, многообещающие переговоры с восточным сатрапом Бату-ханом, побратавшись с его старшим сыном Сартаком, Александр ощущал присутствие над своей головой обнажённого меча, висящего на татарском конском волосе. Постоянно его угнетала, тревожила угроза очередного нашествия татаро-монголов на Русь – поход на не завоёванный ими Новгород. Князь сознавал: потеря независимости Новгородом – это конец русской истории.

Батый понимал, что Александр Невский – это ключевая фигура трагического тринадцатого века и он, Александр Ярославич, действительно заинтересован, готов к примирению, признанию статус кво.

Политика Батые и его последователей состояла в том, чтобы не потерять своей власти в городах и землях поработанной Руси. Бату-хан следует старой как мир формуле: «Разделяй и властвуй». Он разжигает ревность, взаимную вражду между Александром и его братом Андреем, которому даёт ярлык на владимирское великокняжеское княжение, предложив Александру древний, вконец разорённый татарами Киев. Добиваясь справедливости, князь Александр совершает тысячевёрстные переходы то в ставку Батые на Волге, то в низовья Дона к Сартаку. Он добился своего: получил от Батые «старшинство у братьев». Цена уплачена была непомерная. Антитатарские выступления на Суздальщине, в коих замешан был князь Андрей, вызвали жестокую расправу, погром, поражение военного выступления князя Андрея. Для усмирения Батый наслал на Владимиро-Суздальскую Русь многотысячную Неврюеву рать. Татаро-монголами был нанесён удар именно по тем землям, которые в соответствии с полученным ярлыком на великое княжение переходили в ведение Александра Ярославича и которые могли бы стать основой будущего могущества князя Александра.

Великий князь Александр Ярославович Невский под звон колоколов вступает под сень владимирских Золотых ворот – его встречает простой люд и духовенство с крестами во главе с митрополитом Кириллом. Бывший печатник-канцлер Даниила Галицкого, а по возвращении из Византии пренебрегший предавшим православную веру князем и мимо Галича проследовавший во Владимир, был во всех замыслах и свершениях вместе, рядом с Александром.

«Житие Александра Невского» доносит: «После разорения Неврюем земли Суздальской князь великий Александр воздвиг церкви, города отстроил, людей разогнанных собрал в дома их». Созидательные устремления князя проявились и в том, что он стремился извлекать максимальную пользу для отечества из дружбы с Сартаком. Александр оказывал большое влияние на Сартака. Он склонил его принять православное крещение. Будучи прямым наследником Батые, Сартак имел все основания стать во главе Золотой Орды. Александр надеялся, что с воцарением Сартака поменяется политический расклад сил в Восточной Европе и это окажется спасительным для русской государственности. Но век Сартака – всемогущего хана – был недолог, и упования князя Александр осуществились в малой степени.

И тем не менее, Александр делал всё возможное, чтобы сохранить Русь как народ, не изменить православной вере. Православный народ и духовенство в ту чёрную годину поддерживали Александра. Современники не ставили ему в упрёк Неврюева нашествия.

Южная Русь в силу недалёковидной политики Даниила Галицкого и неблагоприятных обстоятельств скатывалась к католицизму. Посланный Батыем во главе карательной рати Куремсы терпит поражения от талантливого полководца Даниила Галицкого, который, взяв в союзники полки литовцев, идёт освобождать от татар Киев – мать городов русских, но из-за дележа добычи литовцы поссорились с Даниилом и ушли. Поход на Киев не состоялся. Даниил начинает искать защиты и помощи у папы римского и изменяет православию.

Вот такая историко-политическая окрошка затевалась в середине чёрного тринадцатого года на славянских землях Восточной Европы. Окрошка, которую приходится расхлёбывать по сей день, о чём говорят события в Западной Украине в последние десятилетия.

Александра Невского увлекала идея постепенного накапливания русских сил людских, экономических, военных. Опорой всегда и во всём для князя Александра была православная вера. Мысль о накапливании сил впоследствии унаследовал, провёл в жизнь московский князь Иван Данилович Калита.

Александр Невский – солнце не только земли Суздальской, но и солнце, светившее сквозь мрак и дым пожарищ трагического тринадцатого века всему русскому народу. Ему мы, великороссы, обязаны своей национальной идентичностью. Он предотвратил вдохновлённой свыше деятельностью исчезновение православной Руси. В этом сказалось Божественное его предназначение.

...Едва Александр отбыл с семьёй и дружиной из Новгорода в Переяславль, агрессоры-немцы, захватили Изборск и двинулись к Пскову. Псковичи вышли навстречу захватчикам, но были разбиты. В сражении пал их воевода Гаврила Олексич, один из шести героев-сподвижников Александра в Невской битве.

По следам бегущих псковичей немцы подступили к городу, пожгли посады и окрестные сёла. Целую неделю агрессоры стояли под стенами крепости, выдвинув тяжкий ультиматум – отдать детей в заложники. В Пскове распорядился некий подлый ставленник псов-рыцарей Твердило Иванович, открывший ворота крепости. Немцы вместе с чудью захватили Вотскую пятину и принялись строить крепость в Копорье.

Таким был мрачный пролог исторического Ледового побоища, над победоносным итогом которого горят в веках вещие слова полководца, защитника Руси: «Кто к нам с мечом придёт, от меча и погибнет».

Новгородцы во главе с владыкой, архиепископом, отправились в Переяславль бить челом князю Александру. Он не заставил себя долго уговаривать. Промедление было смерти подобно. Придя с дружиной в Новгород летом 1241 года, Александр немедленно пошёл на немцев к Копорью. Взял крепость. Гарнизон немецкий привёл в Новгород. Часть его отпустил с наказом не ходить в другой раз на Русь. Изменников – вожан и чудь перевешал. Но не получилось следом освободить Псков. Пришлось прервать военную операцию и отправиться в Орду.

Батый прислал сказать ему: «Мне покори́л Бог многие народы, неужели ты один не хочешь покориться моей державе? Если хочешь сберечь землю свою, то приходи поклониться мне, и увидишь честь и славу царства моего».

Летописец свидетельствует, что хан, увидавши Александра, сказал своим вельможам: «Всё, что ни говорили о нём, всё – правда: нет подобного этому князю».

Уважение, восхищение Батыя князем имело для дела жизни Александра – сохранения хотя бы относительной независимости – большое значение.

Вернувшись в Новгород, Александр не мешкая выступил ко Пскову и взял его. После этого вошёл в Чудскую землю, во владения тевтонских рыцарей. 9 апреля 1242 года на солнечном восходе началась знаменитая битва – Ледовое побоище. Немцы и чудь пробились острою колонною, «свиньёю», сквозь русские полки и погнали уже бегущих, как Александр обогнал врагов с тыла и опрокинул их. Была сеча зла, отметил летописец, льда на Псковском озере стало не видно, всё покрылось кровью. Когда Александр возвращался после победы в Псков, пленных рыцарей вели пешком подле коней их.

Весть о разгроме псов-рыцарей раньше, чем князь с дружиной оказался в пределах переяславльской земли, достигла его малой родины. Слухом земля полнится. Желанные вести – мил гонец. Стояли жаркие майские дни. Подходившие к берегу у подошвы Александровой горы лады с воинами крестьяне встречали хлебом-солью, поднесли князю братину с пенным

ржаным квасом, который лучше всего на свете утоляет жажду пахарей и воинов в страдные дни. Дай Бог покой да квас такой!

...Отправился я к холодильнику самолично. Взял в руки двухлитровую запотелую бутылку с очаковским квасом, чтобы предоставить возможность каждому по вкусу, кому как нравится, погуще или пожиже, творить крпушкинскую окрошку, ибо не что другое, как квас, не свяжет воедино сложенные в большую кастрюлю ингредиенты – мясо, картошку, редис, салат, лук. Да посолить бы в меру не позабыть.

Стол кухонный, от всего прочего освобождённый, заполнили составные части окрошки, большая липовая доска, нож, солонка, перечница, деревянная ложка, вместительная кастрюля – кухонное оборудование и орудия производства. И пошла работа: всё, что собрал на огороде, извлёк из холодильника, теперь надо обратить в крошево. Фундаментом легли на дно кастрюли мелко нарезанный салат, острые, пахучие приправы, лук-репка и его зелёные перья. Затем принялся крошить мясное. Облупил и мелко порубил полдюжины сваренных вкрутую яиц. Особое старание следовало проявить при закладке в окрошку картошки. Картошка в мундире, сваренная на электроплитке, рассыпчатая, сахарная, её, очистив от кожуры и размяв толкушкой в тесто, деревянной, с длинным черенком ложкой перемешиваю с зеленью и бело-золотистой яичной структурой. Старательно перемешивая всё, что уже попало в кастрюлю, вдруг вспоминаю, что Солоухин в окрошку советовал подкинуть мелкорубленой, солёной красной рыбки – лосося, форели. Нынче это вовсе не дефицит. Учёл этот добрый совет обожаемого писателя, отличавшегося в жизни и в своих «земных» книгах тонким вкусом.

И часа не прошло, как дочь Елена Юрьевна стала всех сзывать на большую веранду, смотрящую в сад:

– Прошу к столу, крпушкинская окрошка готова.

Александр Невскому – благодарная Россия

Среди зимы и не к дате, казалось, ни к чему публиковать репортерский снимок, сделанный в июле (фотографию эту только 29 декабря принёс в редакцию Александр Иосифович Козловский), но, поскольку в сдаче патриотических позиций доехали-дошли до края, не мог редактор в январе 1994 года упустить случая поговорить на тему «Патриотизм и искусство».

Памятник Александру Невскому издаലെка предстаёт взорам людей величавым, торжественным. Он напоминает формами и силуэтом храмы древнего Пскова. Как знаменательна эта переключка исконно русских пластических форм! Связь скульптурной композиции с эпическим рельефом местности (памятник сооружён по рекомендации учёных – историков, археологов, этнографов – на горе Соколихе, вблизи Пскова, по дороге на Гдов) отсылает сознание, память в глубину веков, к истокам Древней Руси. Монументы, прославившие их творцов, как правило, давались им тяжело. Почти четверть века напряжённого труда, озарений гения и крутые повороты судьбы скульптора Этьена Фальконе – цена создания памятника Петру Великому, Медного всадника. А волевое напряжение Огюста Родена, преодолевшее все препоны на пути к воплощению своего видения «Граждан Кале»! Андреа Верроккьо, едва успел закончить модель конной статуи кондотьера Коллеони в глине и подготовить её к литью, как от перенапряжения заболел и через несколько дней скончался в Венеции, куда переехал из родной Флоренции. Примеры можно множить. Многолетняя самоотверженная работа московского скульптора Иосифа Ивановича Козловского над композицией «Александр Невский с дружиной» из этого ряда.

«С самого начала, – вспоминает Александр Козловский, – отец испытывал сопротивление реализации конкурсного проекта. Да и сама задача сооружения монумента в честь победы на Чудском озере, Ледового побоища, была крайне сложной для разрешения. Первоначально задумывался памятник из псковского известняка, но при весьма значительном масштабе сооружения замысел был практически неосуществим. Привязка монумента к острову Сиговец (Вороний камень) имела свои нежелательные аспекты. Главный недостаток – труднодоступность места, а значит, практически безлюдье. Ветры, волны на Чудском озере создавали дополнительные трудности.

Публичное обсуждение проекта памятника героям Ледового побоища вызвало острую реакцию со стороны «побитых». Из Германии пошёл поток публикаций, в которых утверждалось, что никакой битвы на Чудском озере не было. Археологическая экспедиция Потресова и Караева в итоге подводных работ представила многочисленные вещественные доказательства. В ходе долгих дискуссий отвергли идею установки памятника на острове Сиговец. Несколько лет подыскивалось и утверждалось место памятника вблизи Пскова. Наконец, благодаря активности тогдашнего первого секретаря Псковского обкома И. С. Густова было принято решение Совмина о месте (гора Соколиха) и об отливке монумента в бронзе. Казалось, дело пошло, но тут началась печальная история памятника на Поклонной горе. Все московские форматоры, увеличители оказались в этом деле задействованы. Пришлось переориентироваться на Ташкент, где местные специалисты принялись за подготовительный процесс. До отливки там дело не дошло. При Андропове Поклонную гору «заморозили» и в распоряжение Иосифа Ивановича с охотой перешли опытные московские форматоры и увеличители. Но возник Горбачёв, и снова надо было обсуждать: делать или не делать памятник Александру Невскому. В гипсе памятник был окончательно принят только в 1988 году. Принимали от Министерства культуры Орехов, Клыков, Цигаль. Отливали в Ленинграде на «Монументскульптуре». Учитывая грандиозные размеры памятника, это самоотверженный труд литейщиков, чеканщиков, да и скульпторы были в постоянном напряжении, автор композиции слёг от переутомления и скоро

Иосифа Ивановича не стало. Мной и Роксаной Сергеевной Кирилловой по всему огромному объёму осуществлялась авторская проработка.

Большие испытания пришлось выдержать на монтаже, осуществлённом осенью 1992 года – зимой 1993-го. Всю массу строительных работ взяли на себя псковичи. Монтаж вели специалисты Новгородского треста «Стальмонтаж». Никто в мире не сделал бы того, что смогли в трудных зимних условиях наши русские монтажники. Только один пример. После того, как сняли леса, необходимо было приварить последний кусок, закрывающий монтажное отверстие на шее коня. Краном подняли недостающий фрагмент, а это несколько квадратных метров. Но как его приварить на такой высоте. Риск большой: представьте, резкий порыв ветра, и сварщик-монтажник полетит вместе с листом с тридцатиметровой высоты. А какое требуется мастерство, чтобы в таких условиях варить!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.